

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ
Советник Иван Крылов

РЕЦЕПТ НА ТОТ СВЕТ

Далия Трускиновская

Далия Мееровна Трускиновская
Рецепт на тот свет
Серия «Иван Андреевич Крылов», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8215867
Рецепт на тот свет : роман / Далия Трускиновская: Вече; Москва; 2012
ISBN 978-5-9533-6296-2, 978-5-4444-7981-0

Аннотация

Кто в мире не пробовал знаменитый «Рижский бальзам» – чудесный старинный напиток, дарящий людям бодрость и здоровье? А ведь бальзаму этому без малого – 270 лет! Как гласит предание, в 1789 году напиток был предложен в качестве лекарства русской императрице Екатерине II. Оценив по достоинству целебные свойства бальзама, Екатерина II даровала его автору, рижскому аптекарю Кунце, привилегию на изготовление.

Однако в истории бальзама хватало и мрачных страниц. Рецепт его приготовления не раз пытались выкрасть, выкупить, воспроизвести. Очередная попытка случилась в самом начале XIX века, когда тихая и благопристойная Рига была взбудоражена серией странных и зловещих смертей. А распутывать это дело пришлось молодому советнику рижского губернатора, будущему знаменитому баснописцу Ивану Крылову, по прозвищу Маликульмульк.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	17
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Далия Трускиновская

Рецепт на тот свет

Глава первая

Секрет рижского бальзама

– Что-то нужно предпринять, – сказал Брискорн. – Парнишки болтаются по Цитадели без дела, шалят. Второе окно за неделю в казарме выбили снежками. Господину Дивову не до них. А поскольку вы, Крылов, им протезируете, то придумайте что-нибудь более разумное, чем нанимать им в менторы полупьяных инвалидов.

Маликульмульк только руками развел.

В сущности, следовало поблагодарить Брискорна за то, что явился в Рижский замок и рассказал о проказах маленьких Дивовых. А чего и ожидать от мальчишек, которые все лето и осень прожили почти на улице, пока в старый домишко на Родниковой улице не явился начальник генерал-губернаторской канцелярии господин Крылов?

– Я пойду к ним, поговорю с Петром Михайловичем, – сказал он. – Более проказ не будет.

– Так и я уж говорил с Петром Михайловичем. Старик теперь, как бы этак выразиться... – Брискорн вздохнул и развел руками.

Отставной бригадир Дивов, вернувшийся на службу, потому что иначе впору было вставать на соборной паперти с протянутой рукой, в минувшем году испытал немало. Единственный оставшийся в живых сын связался с шулерами, проиграл все имущество семьи; напоследок впутался в темную историю и был убит; жена его Анна, обманутая мошенниками, ушла из дома; внуки, Саша и Митя, отбились от рук. Старик был норовистый, не умел делать послаблений ни себе, ни другим, и после побега невестки впал в жестокую хандру. Служебные обязанности исполнял прилежно – а все прочее, кроме способности служить, в нем словно умерло. И Маликульмульк это видел – да только не понимал, как тут помочь.

Брискорн, не знавший подробностей семейной жизни Дивова, полагал, будто Петр Михайлович уж малость не в своем уме. Спорить с ним было нелепо – а кто из нас, грешных, в своем уме? У каждого какая-нибудь блажь сыщется.

Маликульмульк посмотрел на карманные часы – было около четырех. Канцелярские чиновники уже разошлись по домам, до вечернего собрания в голицынской гостиной времени оставалось немало – отчего бы не прогуляться в Цитадель?

– Вы сейчас куда направляетесь? – спросил он Брискорна.

– Поеду в Московское предместье, в Гостиный двор, в книжные лавки. Я тут совсем онемечился – все Шиллер, да Клопшток, да Гёте. Куплю хоть русских журналов.

Присоединяться не предложил, помнит недавнюю обиду... Хотя торжественно мирились в кабинете князя Голицына, однако прежнего přátельства, кажется, не вернуть. Многие может приказать лифляндский генерал-губернатор: вот по его приказу рижская полиция, придя на готовенькое, раскрыла дело о похищении драгоценной скрипки работы Гварнери дель Джезу, даже докопалась, куда делись деньги, уплаченные за нее коллекционером редкостей фон Либгардом, а заодно и другие деньги – заработанные маленьким скрипачом Никколо Манчини. А вот приказать заново подружиться не может. И что за судьба такая у философа – теряет друзей, как щеголиха – ленточки и бантики...

Брискорн, решив, что долг выполнен, откланялся и вышел из канцелярии. Маликульмульк сел за стол и примостил округлый, уже двойной подбородок на широкую ладонь –

как девица в окошечке, что высматривает на улице кавалеров. Брискорн прав – хороших учителей Дивову не нанять, а отставные унтер-офицеры, доживающие век при Цитадели, да дьячки Петропавловского собора занимаются бойкими парнишками постольку-поскольку. Двадцать лет назад такое обучение было делом обыкновенным, и воспоминания детства оказались Маликульмульку плохую услугу – он решил, что и в девятнадцатом веке можно учиться столь же необременительно. А о том не подумал, что у мальчиков нет богатой родни, дед им не опора, дорогу в жизни придется прокладывать самим, вся надежда – на собственную голову...

Он немного затосковал оттого, что Брискорн не позвал с собой в Гостиный двор. Вот сейчас Александр Максимович медленно выезжает с Большой Замковой на Сарайную, там извозчик уже хлестнет лошадку и пустит ее рысью, потом будет очень удобный и плавный поворот на Конюшенную... потом налево – на Господскую, еще налево – на Карловскую... направо – к Карловским воротам, и вот Брискорн уже пересекает замерзший ров, по которому носятся на коньках дети...

Он минует полосу эспланады, въезжает в Московскую улицу, катит мимо новеньких амбаров, сворачивает налево, к Гостиному двору, но там, как всегда, полно саней, и орман проезжает чуть подальше, к Благовещенской церкви... Вот! Вот то, что требуется!

Требуется стоящее возле храма двухэтажное небольшое здание с мансардой – гордость Московского предместья, Екатерининская школа. Первая русская школа в Риге, пока что – единственная, и ей вот-вот должно исполниться двенадцать лет. Если столько продержалась, значит, с ней стоит иметь дело. Срок обучения там – четыре года, после чего способные ученики могут претендовать на место в гимназии.

Но для человека, своих детей никогда не имевшего и живущего по этой части воспоминаниями двадцатилетней давности, определить мальчишек в школу – задача непростая. И Маликульмульк стал задавать сам себе вопросы. Смогут ли Саша с Митей самостоятельно ходить на занятия и возвращаться домой? Или, зная их склонность к авантюрам, лучше им этого не позволять? Тогда – нанимать ли помесечно ормана, чтобы их возил, или найти в Московском предместье почтенное семейство, живущее в трех шагах от школы? Затем – чему именно их там будут учить? Может, сразу придется брать репетиторов, чтобы они нагнали сверстников? Еще – где раздобыть все эти грамматики с арифметиками? Преподают ли теперь по славной «Арифметике» Магницкого, которая и не «арифметика» вовсе, а свод знаний по алгебре, геометрии, тригонометрии, астрономии, навигации? Или ломоносовские книги по грамматике, риторике, физике – годятся или нет?

Вот бы где пригодились советы Паррота, подумал Маликульмульк, ведь физик преподавал в Петровском лицее, знает все новинки, к тому же покупает книжки для своих сыновей. А что книжки немецкие, так это мелочи, если готовить Сашу и Митю к Петровскому лицезу, то без немецкого языка все равно не обойтись.

При всей своей лени Маликульмульк готов был устраивать их судьбу деятельно и щедро. Ему до сих пор неловко было вспомнить осенние похождения. Если бы не его промашка, Анна Дивова осталась бы в Риге и растила племянников, они были бы присмотрены и ухожены, и не пришлось бы гарнизонным офицерам на них жаловаться. Значит, надобно замаливать грехи.

Вечером он рассказал о маленьких Дивовых князю с княгиней.

– Ну так и поезжай с Богом, узнай, что к чему, – распорядилась княгиня. – А бумаги подождут.

– С ними и Сергеев управится, – добавил князь. – Кстати, по дороге заедь-ка к приятелю своему, аптекарю. Опять это сословие с русскими купцами воевать собралось. Узнай, что к чему. А то мне пишут из столицы: разберись, мол, наконец! И с той, и с другой стороны кляузы шлют. А дело-то темное! Похоже, опять немцы русского человека нороят обидеть.

А про этих Лелюхиных я уж слышал – вот на том берегу их владения, целый дворец отгрохали, чуть ли не Гостиный двор с двумя этажами лавок. Может, тебе твой аптекарь по дружбе больше расскажет, чем мне бы рассказал.

– Будет сделано, ваше сиятельство, – сказал Маликульмульк. Про историю с рижскими аптекарями он слышал впервые – как потом выяснилось, зазевался и не обратил внимания на письмо из департамента мануфактур и внутренней торговли, где о ней шла речь.

Наутро он сразу из дому, с Большой Песочной, отправился в Московское предместье. Орман лихо разогнал санки по Мельничной – до Смоленской больше версты и ни одного поворота. Одно удовольствие пронестись вот этак по свежему снежку.

Московское предместье и Рижская крепость были как два разных города, один – немецкий, другой – русский. Магистрат к этому положению дел притерпелся, особо в дела предместья нос не совал, – но вот русские купцы все пытались прорваться в Большую гильдию вопреки старинным правилам. После того как в это дело вмешалась покойная государыня Екатерина, дорогу им вроде бы приоткрыли – и первого купчину, Ивана Фатова, в 1775 году приняли, осчастливив его именем Иоганна. Но намного легче с того не стало – вон, те же Морозовы штурмовали Большую гильдию примерно так, как покойный Суворов – Очаковскую крепость, а толку что-то было мало. Тем не менее купцы Московского предместья были достаточно богаты, чтобы тратить деньги на благотворительность. Когда осенью восемьдесят восьмого из столицы прибыли четверо учителей для будущей Екатерининской школы с огромным обозом книг, по их словам – стоимостью чуть ли не в тысячу рублей, купечество на радостях скинулось и собрало более тысячи – как раз хватило на постройку добротного здания возле Благовещенского храма с классными комнатами, актовым залом и квартирами для учителей.

Возле этого здания сани и остановились. Маликульмульк слез, радуясь тому, что рижские сани не такие низкие, как русские, и сиденье возвышается над полозьями самым удобным для толстого человека образом. Орман сказал, что может подождать. Судя по тому, что в саду возле школы бегали дети в распахнутых тулупчиках, вопили и кидались снежками, сейчас как раз был перерыв в занятиях.

Маликульмульк взошел на крылечко, отворил дверь, оказался в теплых сенях. Потом в коридоре, куда выходили двери четырех классных комнат. У парнишки, обвязанного по случаю зубной боли платком и не выпущенного в сад, спросил, где господин учитель. Парнишка отвел его в комнату, где двое преподавателей ладили из дощечек, блоков и веревочек какой-то физический прибор.

– Добрый день, – сказал им Маликульмульк. – Позвольте представиться – начальник его сиятельства генерал-губернатора канцелярии Крылов.

– Наконец-то! – воскликнул мужчина лет тридцати пяти, невысокого роста, взъерошенный тем особенным образом, по которому вмиг можно признать фанатика и подвижника науки. – Мы все ждали, вспомнил ли о нас его сиятельство. Господин Нагель несколько раз к нам на уроки жаловать изволил и преподавателям из Петровского лицея приходиться велел – сидеть у нас на уроках, проверять, точно ли даем основательные знания. А как им проверить, когда они по-русски – ни в зуб ногой? Я предлагаю вашей милости остаться – у меня сейчас урок русской словесности, затем урок латыни, затем урок геометрии. В это же время у Яновского (товарищ взъерошенного подвижника поклонился) архитектура с рисованием, физика, французский, выбирайте!

– Побойся Бога, Владиславцев, – перебил учителя Яновский. – Только ты и можешь силком загнать взрослого человека на урок физики...

Тут он быстро выхватил из рукава платок и закашлялся. Маликульмульк был знаком этот кашель, знак нешуточной грудной болезни.

– Я не инспектировать, – сказал Маликульмульк. – Я, напротив, хочу договориться с вами, не возьмете ли двух новых учеников.

Подумал и добавил:

– Коих протежирует его сиятельство. Внуки отставного бригадира Дивова, давнего его сиятельства знакома...

– Отчего ж не взять? Приводите мальчиков, проэкзаменуем их, чтобы знать, в какой класс определять, – ответил Владиславцев.

– Но тут такое дело – мальчики живут в Цитадели, им придется каждое утро добираться на занятия через всю крепость. Может, вы знаете дом, куда бы их устроить на полный пансион? Его сиятельство оплатит расходы, – пообещал Маликульмульк.

– Пусть бы его сиятельство напомнил о нас магистрату. Цены растут, получаем мы мало, должны искать приработка, – сердито сказал Владиславцев. – Или хоть пожертвование, как купцы порой делают, мы не гордые, примем.

Маликульмульк обещал замолвить словечко и поспешил прочь. Он сторонился людей с грудной болезнью – в их присутствии как-то вдруг вспоминал, что его несокрушимое здоровье на деле – хрупкое, вроде фарфоровой вазы. А сказывали, будто грудная болезнь от человека к человеку передается, и надо бы, наоборот, доложить князю, что учителя следует сперва вылечить, потом к детям подпускать.

Условившись, что привезет Дивовых завтра после обеда, Маликульмульк поспешил прочь. Орман доставил его к аптеке Слона. Там Маликульмульк рассчитывал, как заведено, получить чашку кофея с печеньем.

Гринделя не было, зато был старый аптекарь герр Струве, и это Маликульмулька даже обрадовало – Давид Иероним, отдав душу науке, мало беспокоился об интригах, связанных с лицензиями, патентами и капиталами, Струве же мог знать подлинные истоки вражды между купцом Семеном Лелюхиным и рижскими аптекарями.

– Ох, герр Крылов, – сказал Струве, распорядившись насчет кофея и отпустив покупательницу, набравшую товара на два талера. – Это долгая и загадочная история. Правды мы, боюсь, не узнаем никогда. Я понимаю, что его сиятельство желает защитить интересы семьи Лелюхиных – и не спорьте, это же ясно! Лелюхины – русские, старый здешний род. Но только есть же разумные законы, которых нарушать не надобно ради своего же блага. Вот вы приходили за лекарствами для этого бедного мальчика, итальянца, как бишь его. И от моих лекарств ему становилось лучше. Эти лекарства делаются по рецептам, в которых каждая травка и каждый минерал соединены в единственно верной пропорции. Недаром же у нас в ремесле ученик учится по меньшей мере шесть лет, затем подмастерье – лет восемь, а то и десять. Причем он не сидит на месте – он странствует! И все короли, все герцоги и князья признают, что аптекарский подмастерье должен потрудиться в разных странах, у разных хозяев, поэтому им никто не чинит препятствий. Спросите Теодора Пауля – где он побывал прежде, чем оказался у меня! И сколько в его котомке было рекомендательных писем от хорошо знакомых мне аптекарей!

– Так Теодор Пауль – бродячий подмастерье? – удивился Маликульмульк.

– Да, мы уговорились, что зиму он поработает у меня, а потом перейдет в Дерпт. Из Дерпта он отправится в Ревель. А сам я где только не побывал! Мне надо бы на досуге сесть и написать историю своих странствий – это был бы и учебник географии заодно, я побывал всюду, где только говорят по-немецки...

– Завидую вам, – честно признался Маликульмульк.

– Знали бы вы, как приятно вернуться домой и знать, что впереди много лет спокойной жизни, свадьба, семья, дети! Никогда я не был так счастлив, как в часы, когда ехал на крестьянской телеге от Митавы к Риге и мечтал увидеть вдали высокие шпили наших церквей с

медными петушками. Но вы меня удерживайте, любезный друг, не то я пушусь в воспоминания, и некоторые будут очень фривольными...

Старый аптекарь рассмеялся и еле успокоился.

– Только супруге моей не говорите, не дай Бог, узнает супруга!.. – повторял он.

Маликульмульк глядел на него со странным чувством – зависть не зависть, снисходительность не снисходительность. Вот седой человек, всеми уважаемый, отлично проживший долгую жизнь, воспитавший дочек, исцеливший множество рижан, человек в той поре, когда подводят итоги, и итоги таковы: он счастлив. Отчего ж это счастье, эти цыплята, которых сосчитали по осени, кажется недостойным существа одаренного, деятельного, рвущегося ввысь? Неужто необходимо извести десять пудов бумаги и увидеть свои труды набранные типографскими буквами, иначе и жизнь не мила?

Теодор Пауль принес поднос с кофейником, коричневатым сахаром в сахарнице, явно – из колб и реторт Гринделя, чашками и блюдцами, сливочником с густыми и жирными сливками («о, герр Крылов, нужно знать, на какой мызе их заказывать!»), вазочкой с печеньем. Маликульмульк посмотрел на парня с интересом: надо же, путешественник! Аптекарь-путешественник! Странно устроена голова у аптекаря – он в странствиях все собирает да собирает в эту голову, все раскладывает да раскладывает знания по крошечным полочкам. Идеальная аптекарская голова изнутри – шкаф, со всех сторон полки, на иных книги и рукописи, на иных – крошечные белые фаянсовые банки со снадобьями, как вот тут, перед глазами, где-то там есть и место кофейнику величиной с муравьиную головку. А голова поэта изнутри – мешок, в котором слова вперемешку с порохом, и этот мешок все растет и голову изнутри распирает. Взорвется – вылетят слова, шлепнутся на бумагу, и радость несказанная: господа, я ж гениален! Но там, в голове, должны уже зреть другие мешки. Иначе – плохо. Что ж за орган в теле отвечает за производство пороха?

Герр Струве сам налил гостю кофея, сам положил два кусочка сахара и добавил сливок, причем сухая рука с выступившими жилами заметно дрожала.

– Вы хотели знать историю нашего спора с Лелюхиным. Я расскажу. Лелюхины вам расскажут иное, но моя история – верная. Я-то помню, как оно было... когда же было?.. Сорок лет назад, герр Крылов. Я как раз прибыл из Данцига морем. Мне предстояло сдавать экзамен на звание рижского аптекаря – не очень страшный экзамен, хотя вопросы задавали и главный городской врач, и сам господин бургомистр. У меня ведь были дипломы из Бремена, из Гамбурга, из Любека... Вспомнил, это был шестьдесят второй год, как раз вышел указ сената о том, чтобы беспрепятственно возить зерно за границу, и мы в Риге это сразу ощутили. Кто-то показал мне объявление в газете, я прочитал и схватился за голову. Некий Абрам Кунце, проживающий в доме какого-то носильщика соли, предлагал приобрести у него бальзам от всех хворей – лихорадки, обморожений, змеиных укусов, переломов рук и ног, желудочных колик и огнестрельных ран. И продавал он это снадобье по два талера за штоф.

– Дороговато, – сказал Маликульмульк.

– За средство, которое действительно сращивает кости за пять дней, и двухсот талеров не жалко, герр Крылов. Но это ж было чистейшее надувательство. Кроме того, лишь аптекари имеют право продавать в Риге лекарства, изготавливать и продавать, запомните это. В то время в Риге уже было девять аптек – моя, аптеки Лебеда, Оленя, Льва, Коронная, Зеленая и Синяя, еще на Известковой улице и в предместье, у самой эспланады. Мы готовили всевозможные бальзамы, экстракты, спиртовые настойки, и вдруг появляется какой-то Кунце и продает неведомо что чуть ли не ведрами! А чего он туда намешал – понятное дело, не рассказывает. Я взял с собой товарища, тоже аптекаря Клауса Герберта Илиша, и мы пошли покупать этот загадочный бальзам вскладчину. Мы оба были молоды, герр Крылов, и ничто человеческое не было нам чуждо.

– Homo sum, humanum nihil alienum a me puto esse, – вспомнил Маликульмульк латинскую цитату и очень этим обрадовал старого аптекаря. Тот, хотя и был человеком на свой лад образованным, хотя и щеголял любезностью, а в глубине души все не мог поверить, что господа, говорящие по-русски – такие же люди, как он сам, грамотные и порядочные, а не едят на завтрак сырое медвежье мясо.

– Мы пришли в дом, указанный в объявлении, и спросили Абрама Кунце. Вышел пожилой человек, еврей, одетый на немецкий лад, но с бородой, и вынес нам штоф – обыкновенный, темного стекла. Мы спросили о бальзаме. Он сказал, что делает это зелье сам по рецепту, а рецепт приобрел в Мекленбурге. О том, что входит в бальзам, он говорить отказался – ведь мы можем перенять секрет и лишить его дохода. Мы согласились, унесли зелье к Илишу домой и налили себе по стаканчику. Оно было светло-бурого цвета, иначе определить не могу, совсем бледного. Илиш сперва попробовал натереть им руку. Кожи оно не разъедало. Тогда я рискнул и выпил глоточек. Мне понравилось – вкус был сладковатый, а сам напиток ароматный и крепкий. Не знаю, как насчет заживления переломов, сказал я Илишу, а для аппетита это пить можно. И мы вдвоем выпили весь штоф, герр Крылов. На следующий день мы обсудили это дело и решили: хитрый Кунце не хочет неприятностей с виноторговцами и потому назвал свой напиток целебным бальзамом. Аптекарей всего девять, а виноторговцев в Риге много, и почти все они – члены Большой гильдии. Очевидно, у Кунце уже завелись свои покупатели, и они поняли, что не в названии дело. Хотя вряд ли их было много...

– То есть это было нечто вроде ликера или наливки? – осведомился Маликульмульк.

– Пожалуй, да. Причем в настойку Абрама Кунце входили, как мы поняли, травы простые и недорогие – шалфей, майоран, полынь, также цветы розы и лаванды. А для крепости он просто добавлял спирт. Отчего бы и не побаловаться таким бальзамом в хорошей компании? Мы рассказали про это изобретение прочим аптекарям и решили не придавать ему особого значения. Если какой-то дурак вздумает лечить этим снадобьем вывихи или огнестрельные раны – пусть тратит деньги, коли угодно, надоест тратить – позовет врача и все равно не минует наших аптек. Да еще оставит у нас больше денег, чем если бы позвал врача с самого начала своей хвори. Не так ли, герр Крылов?

– Пожалуй, да, – согласился Маликульмульк. – Но отчего же бальзам, который производит фабрика Лелюхина, все же славится как целебное средство?

– Это, как говорится, история трагикомическая. Итак, этот чудак Кунце жил у Карловских ворот и торговал мнимым бальзамом, а рижане вскоре прозвали напиток «белым бальзамом». Никто ему не мешал, и мы полагали, будто никто и не помогает. Оказалось, среди нас, аптекарей, завелся предатель. Я до сих пор не знаю, кто навестил Кунце под покровом ночной темноты – видите, и мы иногда выражаемся поэтически. Был еще один человек – может стать, Семен Лелюхин, а может, и кто иной. Повторяю – все это делалось тайно. Аптекарь присоветовал Кунце, как усовершенствовать бальзам, а другой человек устроил на том берегу Двины нечто вроде секретной фабрики по производству зелья. А скорее всего, сговорились все трое, собрались, так сказать, на военный совет, хе-хе...

– Мой Бог, какие интриги, – прошептал изумленный Маликульмульк, до сих пор знавший лишь интриги театральные, придворные и картежные. – И здесь, у вас?..

– О-о, герр Крылов, вы еще не знаете самого любопытного! В шестьдесят четвертом году нас изволила посетить государыня, ныне покойная. Ее принимали отменно, да, отменно! Фонтан на Ратушной площади зарядили вином – даже самый убогий поденщик мог подойти и напиться! Устроили бал в Доме Черноголовых, а она подарила Черноголовым свой портрет, нарочно для того привезенный, вы его наверняка там видели. Но после всех торжеств государыня захворала. И тут-то началась истинная интрига! Как на туалетный столик государыни попала бутылка «белого бальзама», который вовсе не был к тому времени белым, а скорее уж желтым?! А? Я вас спрашиваю? – закричал аптекарь. – Как сие могло

произойти? Неужто государыня послала за треклятым зельем к Карловским воротам, туда, где живут лишь латыши и нет ни одной аптеки? Не знаете?

– Герр Струве, зачем так волноваться? – спросил Маликульмульк, забеспокоившись, что старику от воспоминаний может стать дурно.

– Я не волнуюсь! Я хочу объяснить вам, что произошло! – воскликнул герр Струве. – Карл Готлиб, воды мне и лавровишневых капель! Слушайте – вот веревочка. На одном конце – российская императрица, на другом – бедный еврей, который забрел в Ригу неведомо откуда и даже поселился не со своими сородичами, а с латышами. Как бальзам Кунце попал к государыне? Как, я вас спрашиваю?

– Вы хотите, чтобы я размотал веревочку? – спросил Маликульмульк, которому и самому стало любопытно. – Извольте. Посоветовать государыне принять бальзам могла только приближенная к ней особа или кто-то из рижских аристократов, с кем она беседовала в те несколько дней, что провела в Риге.

– Верно! Вы идете верным путем! А откуда бы этому предполагаемому аристократу знать о существовании бальзама Кунце?

– Кто-то рассказал ему... да, пожалуй, не только рассказал, но и поил его этим бальзамом, причем не безуспешно... Я прав?

– Вы правы, герр Крылов. Кому мог доверить ратсман или барон свое драгоценное здоровье?

– Врачу. Или же аптекарю.

– А для чего врачу или аптекарю рекомендовать своему пациенту лекарство, изготовленное по непонятному рецепту неведомо кем? Какой в этом резон? Все еще не понимаете? Вспомните – на той стороне Двины, на Ключевсхольме, потихоньку работает маленькая фабрика, и оттуда привозят в крепость и в предместья штофы с бальзамом. Принадлежит она Семену Лелюхину или кому-то из его приятелей – неважно. Чего недостает этой фабрике, чтобы дело развернулось вширь? Не поняли еще? Славы и легитимности! Да! Вот почему Семен Лелюхин, богатый человек, изобрел эту интригу! Он понял, что на бальзаме Кунце можно делать огромные деньги! Он заплатил аптекарю – знать бы, кому из нас! – чтобы аптекарь предложил зелье кому-то из ратсманов или бургомистров. Возможно, и этот ратсман тоже получил немалую сумму, чтобы подсунуть бальзам Кунце государыне. Она захворала очень кстати, герр Крылов, очень кстати!

– А отлично придумано, – заметил Маликульмульк. – Слово государыни дороже золота, да только вот что странно. Вы сами, герр Струве, сказали, что пресловутый «белый бальзам» – отменная крепкая настойка для любителей выпить. А судя по тому, что государыня изволила его хвалить, он ей все же помог. Значит, он имеет целебные свойства?

– Тут есть еще одна тайна, герр Крылов. Мы, аптекари, как вы понимаете, пытались узнать, что за болезнь приключилась с императрицей, от чего ей так успешно помог бальзам. Так вот – она им воспользовалась для растирания спины! Но мы это узнали уже больше недели спустя после ее отъезда. А по Риге уже был пущен слух, что государыня пила бальзам Кунце и осталась очень довольна. Разумеется, спрос на бальзам вырос – и его покупали не для попойки, а для лечения. Тут мы, аптекари, заявили о своих правах, и началась истинная война с Лелюхиным. А теперь я должен вспомнить, я должен вспомнить...

Вошел Карл Готлиб со стаканом воды и пузырьком, старый аптекарь велел отсчитать тридцать капель и, морщась, выпил лекарство.

– Я, кажется, утомил вас, герр Струве, – сказал Маликульмульк, хотя ему и хотелось дослушать историю с бальзамом.

– Нет, ничуть. Я рад, что его сиятельство желает получить верные сведения. Так вот, незадолго до того Петер Бирон стал курляндским герцогом... тоже, кстати, смешная история... Старого Эрнста Иоганна Бирона курляндцы признавать не желали, вы же знаете этих

курляндцев – кровь немецкая, гонор польский. Государыня предложила им присягнуть в четырехнедельный срок, а кто не захочет – у того в имении разместят на постой русские войска. Мы здесь об заклад бились, кто из баронов продержится дольше всех, мы же узнавали новости от наших добрых товарищей – ведь и в Митаве есть Придворная аптека, аптека Льва, аптека Лебеда, и в Либаве – аптека Андреаса и Зеленая аптека, и в Гольдингене – Герцогская аптека! Казалось, насилу они смирились со старым Бироном – и тут он вздумал передать престол сыну Петеру, да и правильно вздумал – ему уж было чуть ли не восемьдесят лет. Так курляндцы опять, задрав носы, взбунтовались против Биронов, так что Петер в Митаве лишь женился, а потом сбежал чуть ли не в Париж и немало лет правил герцогством на расстоянии – о, на очень большом расстоянии!

Маликульмульк уж не знал, как прекратить эти исторические изыскания, но Струве сам опомнился.

– Вспомнил! – торжественно объявил он. – В год, когда Петер Бирон женился, – вот когда это было! Мы ведь писали письма в столицу, в Сенат, в Медицинскую коллегия – а ведь тогда наш барон фон Фитингоф еще не возглавлял этой коллегии! Он помогал нам позже, когда государыня нарочно вызвала его в столицу, чтобы сделать сенатором и поставить во главе Медицинской коллегии, а тогда он еще жил в Риге и всячески нам помогал – он тоже не любил выскочек. Нас послушали, и Семену Лелюхину запретили выпускать его бальзам. Но он не уgomонился – это же выгодное дело, а он к тому времени уже открыто был хозяином фабрики, купил оборудование, купил травы и спирт, вложил в дело деньги. Он принялся писать в столицу и добился своего – на это ушло девять лет. Я думаю, что все это время фабрика работала, но без лишнего шума, а товар расходился тайными путями – те же трактирщики могли его брать, здешние помещики могли заказывать для себя хоть бочками. И вот в восемьдесят девятом, совсем недавно, Лелюхин добился права выпускать свой то ли белый, то ли желтый бальзам. Говорите что хотите, а фабрика все девять лет не стояла заколоченная – иначе как бы он сразу стал выпускать по пятнадцать тысяч бутылок в год? Мы опять пошли в наступление. Он не сдавался. Потом он умер, дело перешло к его сыну, сын тоже не хотел лишаться такого знатного дохода. В девяносто шестом году вышел указ – Лелюхину запретили торговать в Риге его бальзамом, а нам, аптекарям, позволили. А через год покойный государь издал особый указ, который нас немного смутил – он назывался так: «О продаже Рижского и Кунцевского бальзама за печатью Казенной палаты». Возможно, Лелюхины писали в столицу о двух видах своего бальзама, нам никто их посланий не показывал. Покойный государь разрешил Лелюхину делать свой напиток для продажи за море, и каждая пробка должна была быть помечена печатью Казенной палаты. На том наша склока вроде бы и завершилась, но я точно знаю, что бальзам с Клюверсхольма появляется в Риге, и мы об этом не раз писали в столицу. Вот так и скажите его сиятельству – Лелюхины нарушают указ покойного государя! Фу, вот теперь – все... где мой кофей?..

– Вам нельзя больше двух чашек, герр Струве, – напомнил Карл Готлиб.

– Убирайся... – голос внезапно сделался полупридушенным и хриплым.

Ученик поспешно вышел.

– Пожалуй, пойду и я, – сказал Маликульмульк. – Я утомил вас, герр Струве, простите ради Бога.

– Ничего, ничего... его сиятельство должен знать правду...

– Помочь вам перейти на диван? Позвать Теодора Пауля?

– Да, позовите, любезный друг. Я давно так много не говорил. Вы узнаете, что такое... настоящее молчание... узнаете, когда женитесь...

– Герр Струве!

– Вместо вас будет... говорить супруга...

– Теодор Пауль! – крикнул Маликульмульк. – Сюда, скорее!

Вдвоем они отвели старого аптекаря в дальнюю комнату, уложили на диван, а Карл Готтлиб принес еще каких-то пузырьков.

– Я все непременно передам его сиятельству, – повторял Маликульмульк. – Его сиятельство будет вам благодарен! Князь непременно поможет покончить с этим древним спором!

– Да, да... а я потолкую с Илишем... может, вместе мы еще что-то вспомним... Слава Богу, генерал-губернатор решил разобраться в этой истории и заступиться за тех, кто несправедливо обижен!.. Илиш, наверно, помнит больше, чем я, он моложе... Да он тогда и больше меня интересовался бальзамом Кунце. Так и скажите его сиятельству – рижские аптекари будут безмерно благодарны...

Наказав передать поклон Гринделю, Маликульмульк покинул аптеку Слона.

Когда он рассказал историю с бело-желтым бальзамом Голицыну, тот слушал внимательно, в соответствующих местах смеялся, а потом и произнес:

– Сия точка зрения – аптекарская. Производить обыкновенную настойку, пусть даже с целебными свойствами, под названием лекарства – придумано неплохо. Однако придется тебе, братец, и с Лелюхиными потолковать. Садись-ка в сани и дуй на тот берег, на Клюверсхольм. А в канцелярии и без тебя сегодня обойдутся.

– Я также уговорился, ваше сиятельство, с учителями Екатерининской школы, чтобы взяли дивовских внуков. Обещали найти дом, куда бы их устроить на полный пансион. И, ваше сиятельство, пожертвований просят. Сказывали, бывший генерал-губернатор самостоятельно приходил, смотрел школу, чуть ли не на уроках сидел...

– С этим – к княгине! Пусть берет моих наследников и едет! И ей – развлечение, и детям – польза. Может, кого из тех учителей она к нам наймет. А то растут здоровые детины, а что у них в головах, кроме французского языка и твоей ненаглядной словесности, – одному Богу ведомо.

Маликульмульк пошел в княгинины комнаты.

Варвара Васильевна приняла его в своем будуаре, по-свойски. Она сидела в шлафроке, с распущенной рыжей косой чуть ли не до подколенок, а горничная Глашка медленно проводила по волосам сверху вниз большим роговым гребнем. Две придворные дамы, Прасковья Петровна с Натальей Борисовной, сидели тут же, рукодельничали и развлекали госпожу беседой. Екатерина Николаевна все еще была в немилости и отсиживалась в комнатухе, которую делила с Прасковьей Петровной.

– Волосы чесать – от головной боли помогает, – сказала княгиня. – Так-то сидишь, дремлешь, и легче делается.

Маликульмульк невольно залюбовался и вспомнил, что двадцать лет назад княгиня была одной из первых красавиц екатерининского двора. Но тогда эта грива была совершенно огненная, с годами волосы потускнели. Вдруг ему стало жаль, что он не видел эту женщину в пору ее яркого и, чего греха таить, скандального расцвета. Полюбить бы не мог, а вот поглядеть, хоть издали, как на совершенное создание Божье... если можно любить прекрасную музыку Моцарта без всякого вожделения, то отчего нельзя так же принимать красоту женщины – с радостью, но без волнения плоти?..

– Разумеется, я приму участие в сиротах, – сказала княгиня, выслушав его доклад. – И в школу, как сказал князь, поеду. Напротив Гостиного двора, говоришь? Ну так попытаюсь совместить приятное с полезным! И с душевспасительным – надо бы Благовещенский храм посетить. Когда соберусь – скажу тебе заранее, пошлешь курьера к тамошнему батюшке, что буду с детьми к нему обедать.

Такой обед означал, что за полдюжины тарелок со щами и столько же с кашей получит от Голицыных немалое пожертвование на нужды храма и богадельни.

– Ты в канцелярию? – спросила Варвара Васильевна.

– Нет, по поручению его сиятельства на Клюверсхольм.

– Нешто и мне велеть санки заложить, прокатиться?

Маликульмульк невольно усмехнулся, вспомнив погоню княгини за итальянскими певицами. Тогда ей пришлось ночевать в «Иерусалиме», но теперь-то вся застывшая Двина – одна сплошная дорога.

– Я, ваше сиятельство, схожу в Цитадель к Дивову, уговорюсь с ним насчет детишек, потом вернусь – и поедем.

– Ступай, Иван Андреич.

Дивова Маликульмульк отыскал в его владениях – в трехэтажном здании для подследственных арестантов. Это было нечто среднее между обыкновенной тюрьмой и работным домом: подследственные арестанты, которых тут держали, весь день проводили внизу, в мастерских, и лишь на ночь возвращались в свои спальни, мужские на втором этаже и женские на третьем. Петра Михайловича по распоряжению Голицына пристроили туда надзирателем и дали две крошечные комнатки на третьем этаже – все лучше, чем погибать голодной смертью на Родниковой улице.

Отставной бригадир выслушал канцелярского начальника без возражений. Пока не ушла Анна Дмитриевна, он и не знал, какой это труд – заниматься двумя бойкими мальчиками. Хотя к хозяйству он пристроил двух арестанток поприличнее, но воспитывать детей не мог и не умел.

– Когда ее сиятельство прикажет, я возьму Сашу с Митей в школу, чтобы их проэкзаменовали, – сказал Маликульмульк. – А до того вы распорядитесь, чтобы им приготовили все, что нужно: исподнее, чулки, постельное белье. Сводите их в баню, что ли...

– Да, разумеется, – ответил Дивов. – Премного благодарен их сиятельствам...

И покачал головой. Словно бы оплакивал свое бедственное положение – а слез не было и рыдать душа за шестьдесят с лишним лет не выучилась. Просто скорбь о мертвых сыновьях и о себе, что по недосмотру Божию исхитрился их пережить. Внукам в этом обществе покойников и старика места уже не находилось.

– Не было ли сведений об Анне Дмитриевне? – решил наконец спросить Маликульмульк.

– Нет.

С тем и пришлось уйти.

В замке он подождал, пока ее сиятельство соберется в дорогу. Поехали весело, двумя санями, с приживалками и детьми. Пока пересекали Двину, составили диспозицию. Княгиня еще не бывала в лелюхинских русских лавках, но полагала, что холсты и съестное там дешевле, чем в Гостином дворе. А когда приходится думать о целой дивизии дворни, то даже самая избалованная дама приучается считать копейки и даже переучивается на иные меры: в России ткань меряют аршинами, тут – локтями, а локоть – три четверти аршина, вот и мучайся, пока не привыкнешь. В Гостином дворе локоть бельевого полотна можно взять за четырнадцать фердингов, а на Клюверсхольме, поди, за тринадцать, а то и за двенадцать. Простыня – четыре локтя, простынь в хозяйство надо с полсотни... такая экономия и для княгини Голицыной не зазорна...

Клюверсхольм был островком длиной около версты, выше по течению, чем Рижский замок. Нельзя было проехать из Риги в Митаву, не пересекши его. Поскольку строились на Клюверсхольме, когда он еще не считался рижским предместьем, то дома стояли вольготно и в большинстве своем – деревянные. Многие из них, изобильно украшенные резьбой, напоминали маленькие дворцы. Но дворцы особой архитектуры – поскольку левый берег Двины был низким, то дважды в год его основательно заливало, и потому все, что только можно было, поднимали на сваи.

Лелюхинский дом стоял на берегу, между матросским трактиром и домиком акцизного чиновника. Узкая улица спускалась прямо к реке, по ней въехали, обогнули дом и встали на площади.

– Экое гульбище, – сказала княгиня, разглядывая большую галерею, подпираемую основательными сваями, куда выходили двери и окошки лавок. – И дорожка к лестнице чисто убрана. Что, сударыни, идем? Прасковья Петровна, следи за мальчишками, а то аббат наш, гляжу, совсем ошалел. Ты, Иван Андреич, ступай, куда князь велел, сойдемся у саней. Степан, не отставай! Я тебя знаю – ты девок высматриваешь!

Девки стояли неподалеку от лелюхинского дома, красивые, нарядные, в ярких шубках, сразу видать – из богатого житья. С ними были и женщины постарше – и это напомнило Маликульмульку то ли Тверь, то ли Тулу, где вот так же девицы из купеческих семей, состоявших в родстве, выводились на прогулку – похвастаться богатым убором на старинный лад да привлечь внимание будущих женихов.

Маликульмульк остановил первого же попавшегося человека, тащившего к трактиру дрова на салазках, и спросил о семействе Лелюхиных. Ему посоветовали осведомиться в трактире – живут-то Лелюхины вон там, на другом конце острова, а за домом – их фабрика, но хозяин может быть в отлучке. Трактирщик же обыкновенно знает все об островитянах, и как не знать – домов тут всего около сотни, школа, да Троицкий храм, да знаменитая фабрика, да постоянных дворов чуть не с десяток, да кузницы, да бани, да склады, да амбары.

– Так Егорий Семеныч обоз сегодня встречает, – сказал трактирщик. – Обоз из Двинска пришел, он в Двинске собирался. Ступай, сударик, отсюда прямо и направо, спроси постоянного двор Пантелея Собакина, там подскажут.

Обозы в Ригу приходили длинные, в сотню и более саней, к началу навигации набирались полные склады всякого товара, да еще весной после ледохода пускались в путь струги – и их приход был для города праздником, все оживало, на каждом углу заключались сделки, и лишь жены целыми днями не видели мужей и понапрасну разогревали им обеды и ужины.

Маликульмульк пошел искать постоянный двор и обнаружил его по отчаянному запаху свежего конского навоза и по шуму. Обозные мужики отогревались спиртным, и сам черт был им не брат.

– Скажи-ка, братец, где тут купец Лелюхин? – спросил Маликульмульк у человека, который казался наиболее трезвым, – у продавца сбитня, который стоял неподалеку от ворот постоянного двора в тулупе и огромном переднике поверх него, со своей горячей медной посудой на деревянной ноге, со стаканами, торчащими в особых гнездах на поясе.

– Егорий Семеныч вон туда пошли. А сбитеньку? – предложил сбитенщик. – Горяч, крепок, заморозить не даст! В Рижском замке такого не подадут!

– Ты меня знаешь, что ли? – удивился Маликульмульк, который ходил по Ключевсхольму пешком впервые, а обычно проезжал его насквозь, не глядя по сторонам.

– Видал в нашем предместье вашу милость, как с ее сиятельством в Гостиный двор приезжать изволили, да и иным разом тоже.

– А здесь ты как оказался?

– Да как все – по речке перебежал. Мы еще с вечера знали, что обоз идет. Петруха, здорово!

Петруха в старом коротком тулупчике отвечал сбитенщику по-латышски, тот по-русски предложил горяченького, Петруха по-латышски изъявил согласие.

– Ты и его знаешь? – спросил Маликульмульк.

– Как не знать, он здешний рыбак, домишко у него на берегу Зунды. Когда приходят струги, их ставят в Зунде, и я туда хожу со своей кумушкой, – сбитенщик хлопнул по боку свою посудину, одетую в полотняный, подбитый ватой чехол. – Семейю-то кормить надо.

– Как тебя звать?

– А Демьяном. Ваша милость будет у Благовещенского храма, так там всякая собака знает Демьяна Пугача. Так и спрашивайте – где тут смутьян Пугач со своей кумушкой? Я того прихода прихожанин, всяк укажет, где искать.

– Смутьян Пугач? – Маликульмульк даже отступил на шаг назад. Детская память проснулась. Пугачевщина! Яицкая крепость – и тоже зима, тоже замерзшая река, но называлась иначе, и веселые бородатые лица казаков, бегающих по льду с баграми... но до чего же похож на них этот молодой сбитенщик... Отец, драгунский капитан, служил в крепости помощником коменданта – потому и пришлось убегать, спасаясь от наступающих бунтовщиков в Оренбург...

– Угадать изволили? – с усмешкой осведомился сбитенщик. – Да не шарахайтесь, ваша милость, как черт от ладана. Батюшка мой с Пугачом воевал. А потом казаков, что не слишком были виновны, раскидали которого куда – сколько-то их и в здешние края попало, под Двинск. Там он женился и меня породил. А я уж в Ригу перебежал, в Риге веселее. Да только соседи прознали, какого я роду-племени, и дали прозвание. Век теперь не избавлюсь!

Этот кругломордый, румяный, черноглазый, белозубый детинушка, с черной короткой бородой, с черными же, высокими и круглыми бровями, от которых вид у него был восторженно-веселый, с каждым словом нравился Маликульмульку все больше.

– Ты женат, Демьян? – спросил он.

– Как же не женат?! Я не какой-нибудь Богом обиженный. И сын растет. Я вот сбитнем торгую, а его учиться пошлю. Здорово, Карлушка! Гутен таг!

Новый покупатель сбитня оказался немцем. Пока Пугач наливал в стакан ароматный напиток, Маликульмульк отошел в сторонку. Разговор был забавный, да только следовало найти Егория Лелюхина – иначе зачем же все это путешествие?

У постоялого двора с давней приметой питейного заведения, еловой веткой над воротами, стояло не менее десятка груженных саней. Кони были выпряжены, рядом прохаживался крепкий мужик в буром армяке поверх тулупа, высоко подпоясанный. Судя по виду и взору – охранял.

– Не скажешь, братец, где тут Егорий Лелюхин? – спросил его Маликульмульк.

– На дворе, у конюшни, с Елизаром ругается. Елизар – тот кривой, а Лелюхин – бритый, – объяснил мужик.

Маликульмульк насилу пробрался через разрытый снег к воротам и оказался во дворе. Там сказали, что Лелюхин только что был и доподлинно ругался самым страшным образом, но пошел огородами к другому постоялому двору вместе со своим приказчиком Савелием. «Огородами» – это было чересчур громко сказано, овощей на острове не выращивали, скорее уж купец побежал задворками. Маликульмульку указали направление, и он отправился следом.

Другой постоялый двор принадлежал то ли немцу, то ли латышу, Маликульмульков вопрос плохо поняли, и он вошел в само помещение – обычное большое помещение придорожной корчмы. Оно также было на сваях, верхний этаж – склад, нижний – для посетителей, что вполне разумно – кто ж поедет на Клюверсхольм обедать в наводнение? Если его и зальет – никто и ничто не пострадает.

Маликульмульк, войдя, оглядел оба длинных стола – нет, никого бритого не было. А вот у печи сидел человек, кутаясь в армяк, – никак, видно, не мог отогреться с дороги. И человек этот, глянув исподлобья на Маликульмулька, встал и чуть ли не бегом кинулся прочь, на задний двор.

Его лицо было знакомым... бритое лицо, кстати... женщина?..

Не веря глазам своим, Маликульмульк кинулся в погоню. Он выскочил на задний двор, чуть не шлепнулся в грязный снег, пробежал мимо хлева, увидел открытую калитку...

Она исчезла. Она узнала его и не пожелала даже словом перемолвиться, проклятая горячка!

Но она вернулась!

Совсем запутавшись среди заборов и плетней, Маликульмульк насилу выбрался к большому лелюхинскому дому и в первой же лавке спросил сидельца, куда пошла княгиня Голицына. Сиделец сказал искать наверху.

– Ты что, Иван Андреич? – спросила княгиня. – Торопить меня вздумал?

– Ваше сиятельство, я только что видел Анну Дивову!

Глава вторая

Еще один секрет рижского бальзама

С Егорием Лелюхиным Маликульмульк встретился уже вечером. После суматошного дня вести разговор о важном деле было трудновато.

Характер Варвары Васильевны был ему давно известен. Следовало бы промолчать, а потом, уже в замке, осторожно сказать:

– Вместе с обозом пришла женщина, с лица – Анна Дивова, да и только. Бывает же такое удивительное сходство...

Княгиня велела бы наутро узнать про женщину, тем бы и кончилось. Каким дураком надо быть, чтобы врываться в лавку с воплями? И волнение-то было самое дурацкое. Ну, пропала Анна Дивова, ну, нашлась Анна Дивова, какое до нее дело философу и канцелярскому начальнику?

К тому же философ уже довольно изучил характер Варвары Васильевны. Если этой даме что втемяшилось в рыжую голову – возражений она не терпит. Есть и другая особенность – о тех, кого княгиня считает своей собственностью, она заботится: то изругает в пух и прах, то горой за них стоит. Увидев, что неперменная принадлежность ее гостиней, Косолапый Жанно, в волнении и расстройстве чувств, она по-женски поняла все так: нужно привести к нему ту Анну Дивову, да поскорее, не то совсем спятит. Заодно и строго допросить беглянку о ее странствиях в обществе мошенницы и отравительницы графини де Гаше. Но это – уж потом, сперва утихомирить Косолапого Жанно.

Вряд ли нашелся бы на Клюверсхольме человек, способный перечить ее сиятельству. Княгиня тут же велела ошарашенному лавочнику, с которым за минуту до того беседовала о холстах, снарядить экспедицию из молодцов и приказчиков, служивших в лавках лелюхинского дома: они знают все окрестности, пусть расспросят обозных мужиков и кучеров, пусть изловят беглянку! Потребовала она также доставить к себе тех, кто может рассказать об Анне Дивовой.

Оказалось – обоз, шедший с севера, из Пскова, подобрал женщину уже в Лифляндии, недалеко от Вендена, и подобрал в последнюю минуту – она шла к Риге пешком и чуть ли не свалилась под копыта. Сперва дуру, не желающую вставать, матерно обругали, потом поняли, что дело неладно, подняли, бросили на сани. В корчме, где остановились на ночлег, отпоили ее горячим, хозяйка оказалась травознайкой, и женщине полегчало. Хотели было оставить ее там, но она пожелала ехать в Ригу с обозом – другая такая возможность ей бы не сразу представилась. Денег у нее не было, но она обещала расплатиться уже в Риге. Упрямство женщины настолько поразило мужиков, что они согласились. И вот, доехав, эта полымянка сбежала...

– Прасковья Петровна, заплати им, сколько причитается, – велела княгиня. – Вот, Иван Андреич, больше тут сейчас ничего сделать нельзя. Едем обедать! Нас в замке, поди, обыскались. Потом сходишь в часть, оставишь явочную, и пусть ее полиция ищет.

Маликульмульк вспомнил о поручении князя уже на правом берегу Двины. Пообедав, он зашел в канцелярию, а потом опять поехал на Клюверсхольм. Тут-то он и познакомился с Егорием Семеновичем – тот с виду больше смахивал на военного человека, чем на русского купца, был худощав, подтянут, носил немецкое платье и получил неплохое для рижского жителя образование. Как оказалось, отец отдал его в немецкую школу, как делали многие жители Московского форштадта. Лет купцу было, по мнению Маликульмулька, около сорока пяти.

Лелюхину сперва было не до разговоров, пришлось ждать, но в конце концов он привел канцелярского начальника в свой дом и усадил в столовой – гостиной и кабинета он еще не завел, бумаги свои держал в спальне, а там постороннему делать нечего.

– Стало быть, его сиятельство желает знать про бальзам? Расскажу. Да только то расскажу, что сам знаю. Дело-то давнее, а батюшка мой давно в могиле. Вот он знал все, а я – лишь то, что он мне передал. Десять лет, как помер батюшка...

Лелюхин покачал головой и надолго замолчал.

– Я слушаю вас, Егорий Семенович.

– Знаете ли вы, кто таков Кунце?

– Тот, который принес в Ригу рецепт бальзама.

– Батюшка покойный так про него сказал: неудачнику все не впрок. Этот Кунце, сколько я понял, был бродячим торговцем. Где он раздобыл рецепт бальзама – батюшка, может, знал, я не ведаю. Почему он с этим рецептом притащился в Ригу – тоже непонятно. Здесь у него была какая-то родня, да он с ней не ладил и жил отдельно. Он, верно, думал, что из-за этого рецепта здешние аптекари друг другу глотки перегрызут, да не тут-то было. Обошел все восемь аптек – и всюду от ворот поворот. А как-то жить ведь надо? Он купил часть трав и прочий зелий, что надобны для бальзама, купил бутылки и сам стал его делать.

– Часть трав? – удивился Маликульмульк, вспомнив рассказ герра Струве.

– Да, все ему, чудаку, было не по карману. Изготовил он нечто вроде бальзама и стал продавать потихоньку. И кто-то из покупателей его надоумил: у тебя, говорит, зелье твое слабовато, было бы покрепче – шло бы нарасхват. И стал он свою настоечку спиртовать, да все больше и больше.

– А ваш батюшка?

– Батюшка попробовал этот бальзам случайно. Ведь его покупали не только те, кто лечиться собрался. Было что-то – крестины, именины, может, и поминки, – кто-то приволок штоф. Батюшка подумал – коли этот напиток несколько улучшить, так им и торговать можно с выгодой. Пошел, познакомился с Кунце, и тут оказалось, что на самом деле рецепт куда как сложнее. Батюшка дал денег, сколько-то времени прошло, он получил первые бутылки, попробовал – отменно! И тогда он с этим Кунце сговорился.

– Приобрел у него рецепт?

– Нет, сперва еще не приобрел. Батюшка мой, царствие ему небесное, здешних немцев знал как облупленных. Он понимал – стоит начать какое-то дело, сразу пойдут вставлять палки в колеса. Купил он здесь же, на Клюверсхольме, старую баню на берегу Зунды, место удобное, за водой далеко бегать не надо, и не на виду у немцев. Понемногу привез все нужные по рецепту снадобья. Взял хорошего работника, потом еще одного. И стал старого Кунце снабжать бутылками с товаром. А здешние аптекари на новоявленный бальзам особого внимания не обращали – ну, продает чужак по бутылке в неделю, ну так и Бог с ним, пусть кормится, коли это для него единственный способ с голоду не помереть. А там уж глядь – и не бутылка в неделю, а с десяток в день, и отовсюду за нашим бальзамом приезжать стали. Тут они и зашумели! И кто-то из них додумался: они-де сами такой бальзам готовят и продают, а батюшка мой покупателей переманивает! И пошли жалобы! Они, я чай, только китайскому богдыхану еще своих кляуз не слали, а всю столицу завалили исправно!

– Это было до того, как покойная государыня лечилась бальзамом, или после того? – поинтересовался Маликульмульк.

– Точно не скажу, но вернее, что после того. А когда сама государыня похвалить изволила, какой еще славы надобно? Вот они и вздумали налететь на готовенькое! А откуда у них взялся рецепт бальзама Кунце? – спросил Лелюхин. – Вот этого я, хоть убей, не понимаю! Они же все дружно от этого рецепта отказались! А теперь, когда батюшка мой сделал баль-

зам Кунце модным снадобьем, вроде как в России – «Ерофеич», они вдруг стали его сами готовить и предлагать покупателям! Как вы полагаете, Иван Андреич, что сие значит?

– Не знаю, я не аптекарь.

– Скорее всего, они купили несколько бутылок нашего бальзама и общими усилиями примерно сообразили, что там понамешано. А рецепта, который принадлежал покойному Кунце, у них нет, да и быть не может! Потому что он – у нас! Батюшка его в конце концов выкупил. Из милосердия выкупил – пока Кунце был старый нищий чудак и жил чуть ли не из милости у Карловских ворот, в доме носильщика соли Валта, никому из здешней родни он не был нужен. А проведали, что он получает свою долю от продажи бальзама, тут и прискакали. А он обидчив оказался и сказал батюшке так: ты, Семен Лелюхин, мой благодетель, так доверши благодеяние, купи у меня рецепт и отправь меня с деньгами прочь из Риги, подальше от моих аспидов! У него, оказывается, где-то жена с детьми осталась, он о ней лет двадцать не вспоминал и вот вспомнил. Решил – приедет, помирится и будет при внуках век доживать.

– А что, Егорий Семеныч, у нас в государстве можно так рецептами торговать?

– Можно, Иван Андреич. И вы, сударь, так его сиятельству и доложите: рецепт купили мы, Лелюхины, и только мы имеем право готовить и продавать тот бальзам, что получил высочайшее одобрение! Батюшка в столицу ездил, в департамент мануфактур и внутренней торговли, в Медицинскую коллегия ходил, и то не сразу все разрешения получил. А как назвать тех, кто к чужим трудам, пальцем не шевельнув, примазываются – пусть его сиятельство самолично решит!

Маликульмульк усмехнулся – он представлял себе, как князь назовет аптекарей, очень даже хорошо представлял. Сам он этих слов не любил, но для такого случая придется выслушать...

– Вы можете при необходимости предъявить рецепт и купчую на него? – спросил он.

– Когда его сиятельству угодно. Бумаги лежат наготове. И коли его сиятельство соблаговолит... Савелий! Принес?

– Принес, – откликнулся из сеней поразительной густоты бас, и в столовую вошел лелюхинский приказчик с корзинкой.

– Вот сюда мы уложили для их сиятельств четыре бутылочки на пробу, соломкой переложили, как полагается, полотенчиком укутали, – сказал Егорий Семенович.

– Да помилуйте, его сиятельство уж пробовал рижский бальзам!

– Пробовал, да не тот. Ему в аптеках покупали. А настоящим бальзамом мы в Риге и даже Лифляндии не имеем права торговать, весь наш товар на сторону уходит – за море и в столицу. И его сиятельство, поди, даже не знает, что мы, как сказано в указе покойного императора Павла Петровича, делаем бальзам двух видов – «рижский» и «кунцевский»...

– Но рецепт-то у вас куплен один!

– «Кунцевский» мы точно делаем по старому рецепту, который мой батюшка приобрел. А в «рижский» еще кое-чего добавляем, и он лучше расходится. Берите, берите, их сиятельствам понравится! Надо же знать, какова разница меж тем варевом, что продают аптекари, и нашим бальзамчиком.

– Благодарствую, – с тем Маликульмульк принял корзинку. – А известно ли вам, как вышло, что бальзам Кунце попал к покойной государыне?

– А чего ж ему не попасть? Средство отменное, оно у многих рижан дома имелось, и у ратсманов тоже, как простынут – так им отпиваются. Неудивительно, что его государыне рекомендовали.

– А вам ведь это было весьма кстати?

– Батюшка говаривал: трудись, не жалуйся, Богу молись, а Божья помощь – она вдруг придет. Вот и пришла.

И тут Маликульмульк вспомнил про Анну Дивову.

– Послушайте, Егорий Семеныч, есть еще одно дело. К обозу где-то у Вендена прибилась женщина. Ее привезли в Ригу, и здесь она пропала. Я сам видел ее на постоялом дворе. А эта женщина... ее сиятельство княгиня Голицына принимает в ней участие... то есть ее сиятельству нужно видеть эту женщину... и когда она еще не покинула Клюверсхольма...

– Вы хотите, чтобы мои молодцы доставили ее в замок?

– Нет! – воскликнул Маликульмульк. – Этого как раз не надо! Мне только нужно знать, где она прячется... чтобы донести ее сиятельству...

– Мне сказывали, будто подобрали бродяжку. Потому лишь подобрали, что говорила по-русски. Диво, что она не замерзла по дороге, время не для увеселительных прогулок, и все богомольцы тоже смиренненько сидят по своим углам, в дорогу не пускаются, – заметил купец. И уставился на Маликульмулька, ожидая каких-то объяснений. Но тот молчал – не рассказывать же всю печальную историю семейства Дивовых...

Видя, что начальник генерал-губернаторский канцелярии многозначительно молчит, Лелюхин свернул на другую тему – заговорил о Троицком храме. Храм был открыт с весны по осень, когда в большом количестве приходят струги и струговщики, сплошь православные, нуждаются в окормлении. Зимой же он закрыт, а напрасно – хотя до Московского форштадта и Благовещенского храма напрямик, через реку, чуть больше версты, но версту эту хорошо одолевать зимой, в морозец, или летом на лодке, а в ледостав и ледоход православные на Клюверсхольме лишены богослужений, и даже случается, что на Пасху не могут попасть в церковь, если по каким-то причинам застряли на острове. Так нельзя ли рассказать про эту беду его сиятельству.

Маликульмульк согласился – и можно, и нужно.

Отправили его в замок по-царски – на прекрасных санях, с бубенчиками под дугой, укутали медвежьей полстью, хотя ехать было – всего с версту.

По дороге он сравнивал обе истории и даже ругнул себя – ведь прямо сказал герр Струве, что аптекари готовят свой рижский бальзам, так чего бы сразу не спросить: а по какому рецепту? Пришлось признаться – старик оказался с хитринкой и заморочил канцелярскому начальнику голову.

Корзинка стояла на коленях у Маликульмулька, укрытая полстью, и он уже вообразил, как будет сравнивать все три бальзама. В Рижском замке наверняка была хотя бы одна бутылка аптекарского – вот и будет их сиятельствам развлечение после ужина.

Варвара Васильевна даже рассмеялась, увидев, как Косолапый Жанно вносит в гостиную корзину, укрытую холщовым полотенцем.

– Да тебе, Иван Андреич, никак взятку всучили! – воскликнула она. – Вот уж и на тебя здешние нравы влияние оказывают!

– Давай-ка, братец, сюда свою добычу! – потребовал князь. И на свет явились четыре глиняные бутылки с наклейками.

– Маловато взял! Твое словцо в моем кабинете дороже стоит! – веселился Сергей Федорович. – Этот Лелюхин по пятнадцать тысяч бутылок в год в Россию и за море отправляет – а тут, вишь, пожадничал! А мог ведь и деньгами дать!

Наконец удалось объяснить, что это за бутылки и зачем понадобились.

Аптекарский бальзам нашелся у Аграфены Петровны, только почтенная дама повинилась – она перелила его в другую бутылку, потому что купила его вскладчину с Натальей Борисовной. Та свою часть давно выпила с чаем, леча простуду, а бутылку выбросила.

Княгиня велела принести из буфетной рюмки, из кабинета – корзинку с цветной шерстью, которой вышивала подушки, и пометила рюмки цветными ниточками: красными – для аптекарского бальзама, синими – для «кунцевского», и желтыми – для «рижского».

– Ну, начнем, благословясь! Наливайте, князь! – велела она супругу.

У стола собрались все домочадцы – дети, придворные дамы, Тараторка, доктор Христиан Антонович, аббат Дюкло, поодаль стоял дворецкий Егор Анисимович. Все замерли, когда Голицын с мрачной торжественностью взялся за первую бутылку. Но горлышко оказалось залито сургучом, пришлось сбивать его тяжелой рукояткой ножа, затребованного с поварни, и много было веселой возни, прежде чем все рюмки наполнились – по четыре каждого сорта.

Первой дегустировала княгиня. Она отпила из всех трех своих рюмок, потом вернулась к синей ниточке, потом – к красной.

– Ну-ка, попробуй ты, мой друг, – сказала она мужу несколько озадаченно. – Я потом скажу.

Князь проделал те же манипуляции – и в той же последовательности.

– Кажись, ты права, душенька, но давай-ка для надежности угостим Христиана Антоновича, он врач и в снадобьях разбирается, – и князь по-немецки объяснил доктору его задачу.

Христиан Антонович попробовал бальзамы.

– Честь имею доложить, что тут не три напитка, а лишь два, – сказал он по-немецки. – В рюмках с красным и синим знаком содержимое одинаково.

– Верно! – воскликнула княгиня. – Я думала – мерещится! Так быть не должно, я же знаю, что этот бальзам – аптекарский, а тот – лелюхинский! Им надлежит быть разными! А они, вишь, одинаковы – я и растерялась!

– Они точно одинаковы, – подтвердил князь. – Ну-ка, братец, твоя очередь!

Маликульмульк отпил из трех рюмок. Аптекарский и «кунцевский» бальзамы словно наливали из одной бочки, «рижский» немного отличался и был приятнее их обоих.

– Они сделаны по одному рецепту, – сказал Маликульмульк. – Кто ж тут кому врет?..

– А что за вранье? – спросил князь, и Маликульмульк рассказал трогательную историю о том, как бедный Абрам Кунце пытался предложить свой рецепт рижским аптекарям, как вступил в союз с Лелюхиным и как в конце концов продал ему свое сокровище, чтобы уехать домой зажиточным человеком.

– Врут тут, братец, исключительно тебе, – объявил князь. – Аптекарь твой врет, чтобы утопить Лелюхина, Лелюхин врет, чтобы показать себя единственным законным владельцем рецепта, а уж Абрам Кунце – тот и вовсе враль записной. Могу биться об заклад, что он перед отъездом продал рецепт еще и кому-то из аптекарей, а то и всем им сразу!

– Так как же докопаться до правды? – спросил озадаченный Маликульмульк.

Князь подозвал Аграфену Петровну с Натальей Борисовной и спросил, как к ним попал подозрительный бальзам. И тут началась путаница. Дамы плохо знали город и объяснить, где приобрели бутылку, не сумели. Над каждой аптекой было соответствующее изображение – или слон, или красавец-лев с кудрявой гривой, или плывущий лебедь, так ведь дамы смотрели только себе под ноги, боясь поскользнуться, и заблудились наконец, и остановили ормана, который очень быстро доставил их к Рижскому замку.

Голицын, выслушав оправдания, только рукой махнул – и они отступили, переругиваясь почти беззвучно.

– Прежде всего – поезжай-ка, братец, завтра по аптекам и в каждой возьми по бутылке бальзама. Будем сравнивать! – распорядился князь. – Ведь если эти вруны сами, как они утверждают, готовят бальзам Кунце, то между их произведениями может явиться какая-то разница. Скажем, один разводит водой чуть больше, чем прочие, у другого цвет иной...

Княгиня взяла две рюмки, но освещение не позволило ей сравнить цвет настоек.

– И что из этого выйдет? – спросила она.

– То, что мы, может быть, поймем, кому еще Кунце продал рецепт. И тогда уж Лелюхину придется доставать и показывать свою купчую. Если формально владелец рецепта –

он, то тут может быть судебное дело. Поскольку явится, что аптекарь, купивший рецепт уже после того, как составлена лелюхинская купчая, жертва мошенника, то он особо не пострадает, только ему запретят производить этот самый кунцевский бальзам. Мне, ей-богу, странно, что сам Лелюхин не додумался, вместо того чтобы слать жалобы в столицу, решить это дело здесь через суд.

– Вот как раз здесь он бы проиграл дело, – возразила княгиня. – Трудно ли состряпать фальшивую купчую и доказать, что кто-то из аптекарей приобрел рецепт раньше, чем Лелюхин? Может статься, она давно уже лежит у кого-то из них в надежном месте.

– Если бы лежала – давно бы они Лелюхина одолели, – возразил князь. – И его фабрикой бы завладели.

Он взял рюмку с желтой ниточкой и крошечными глотками выпил до дна.

Маликульмульк последовал его примеру. Бальзам был довольно крепок, ароматен и куда больше годился для застолья, чем два прочих. Они тоже были хороши – но тот, кто попробовал «рижского», его бы и покупал впредь, а не «кунцевский». Прямо беда, что Лелюхиным запретили продавать свой товар в Риге, теперь вся надежда на новорожденное приятие – глядишь, будут иногда привозить с Клюверсхольма такие корзинки...

Потом, после ужина с чаепитием, князь отвел Маликульмулька в сторонку.

– Княгиня сказывала, там, на Клюверсхольме, Анна Дивова объявилась?

– Да, ваше сиятельство. Я просил Лелюхина ее поискать. Она от меня сбежала, но, я чай, на острове осталась. Ее ведь подобрали обессилевшей, больной, вряд ли она через реку побежала. И на левобережье ей делать нечего, она там никого не знает. Ее, может статься, обозные мужики спрятали.

– Ее необходимо сыскать.

– Да, разумеется...

Маликульмульк понимал, зачем Анна нужна князю. А вот почему Анна, завидев его, скрылась – никак толком не мог понять. Она горда, самолюбива, не желает явиться в рубище перед теми, кто знал ее в иных нарядах и в более благополучную пору жизни. Но она больна, у нее нет денег, и если уж она вернулась, то, значит, узнала правду о смерти своего мужа. Ей бы, наоборот, устремиться навстречу, рассказать о новых подвигах графини де Гаше, чтобы мошенницу поскорее изловили! Неужто ей до такой степени стыдно, что поверила опасной авантюристке? Зачем же она тогда явилась в Ригу?..

Ничто в этой женщине его не привлекало – только имя.

Да и оно... зачем, думая о нем, душу беречь, снова вспоминать недостижимую Анюту? Вот едет человек домой, в Петербургское предместье, выезжает из городских ворот, пересекает эспланаду, видит бескрайнее белое пространство справа и слева, тут есть о чем задуматься и помимо событий десятилетней давности... а у него старая болячка вскрылась некстати, и нечем от нее отвлечься...

Наутро Маликульмульк, поработав немного в канцелярии, задолго до обеда послал человека за извозчиком. Он знал рижские аптеки поименно, а где которая – еще не запомнил. Ближе всего была Коронная – на Малой Замковой, если идти пешком – шестьсот с чем-то шагов. От нее можно было доехать до Синей аптеки – еще столько же. Потом на Сарайной – аптеки Лебеда и Льва, чуть ли не друг напротив дружки...

Из восьми рижских аптек пять находилось в аристократической части крепости, к северу от Известковой улицы, две – в мещанской, одна – в Петербургском форштадте. Обездти их Маликульмульк собирался за час, ну за полтора. Долго ли – купить бутылочку пресловутого бальзама?

Оказалось – мощная фигура начальника генерал-губернаторской канцелярии рижанам уже хорошо известна. Всюду его принимали как любезного гостя и норовили всучить бальзам, не беря денег. В самом деле – велика ли стоимость бутылки? А знакомство в Рижском

замке пригодится, тем более что князь Голицын не слишком дружит с немцами и подступиться к его сиятельству трудно.

Бутылка из Коронной аптеки, бутылка из Синей, бутылка из Лебединой, Бутылка из Львиной – там пришлось задержаться, потому что не хватило ума взять с собой корзину, и аптекарский ученик бегал куда-то за вместилищем для добычи. За это время Маликульмульк, попросив у аптекаря Фишера карандаш, пометил бутылки, которая откуда. Фишер догадался – его сиятельство ищет место, где брать наилучший бальзам. Тут же принялся нахваливать свой – пришлось спасаться бегством.

Развернуться, чтобы ехать в аптеку Слона, орману было несподручно – пришлось сперва навестить аптеку Известковой улицы. Оттуда сам Бог велел ехать в форштадт, из форштадта – обратно в крепость, а там ожидало недоразумение – на углу Известковой и Сарайной сцепились две упряжки, опрокинулись сани, ни проехать, ни пройти, выстроился целый строй экипажей, и развернуться они уже не могут, приходится ждать.

– Едем по Большой Кузнечной и поворачиваем на Грешную, – велел Маликульмульк орману. Это было удобно – аптека Оленя на углу Господской и Грешной, и от нее можно ехать напрямик в Зеленую. А от Зеленой, отпустив извозчика, пойти наконец в аптеку Слона и отдохнуть от суеты. То-то повеселится смешливый Гриндель, увидев приятеля с целой корзиной бальзама!

Но следовало решить, рассказывать ли Давиду Иерониму о том, что обнаружено подозрительное сходство между аптекарским и лелюхинским бальзамом? Что, коли как раз у него это сокровище и куплено? Недаром старый хитрый герр Струве отвлек Маликульмульково внимание от рецепта бальзама, ох, недаром...

Решая эту задачку, Маликульмульк попытался отворить дверь Зеленой аптеки – и ничего не получилось. Среди бела дня она оказалась заперта. Он постучал увесистым дверным молотком в виде лаврового венка – с тем же успехом. Тряхнул дверь посильнее – ничего не вышло. Тогда он встал у стены, соображая, идти ли сразу в аптеку Слона, а сюда вернуться попозже, или подождать, благо не слишком холодно. До аптеки Слона – чуть более ста двадцати шагов, там кофей, там Давид Иероним. Но именно там непременно выяснится, что начальник генерал-губернаторской канцелярии уже опаздывает к обеденному столу князя, и придется бежать, лететь!..

Философ и Косолапый Жанно вступили в неслышный спор. Косолапый Жанно считал такое опоздание сущим преступлением. Философ Маликульмульк вяло отбивался – за стол садятся в два часа пополудни, время еще есть, что ж не обождать еще пять минут, заодно поглядывая на проходящих фрау и фрейлен? Посмотреть на хорошенькие личики очень полезно человеку, который видит лишь бумаги, да рожи подчиненных, да голицынских домочадцев, и настолько от них одурел, что был рад даже знакомству с бойким сбитенщиком Демьяном Пугачом. Это даже не безобидное вертопрашество и волокитство, это – истинное лекарство от хандры, именно лекарство!

Но, прописав себе сие невинное средство, Маликульмульк и вообразить не мог, каким окажется первый прием.

Он увидел фрау, спешащую к Зеленой аптеке, но на вид этой фрау было лет этак двести восемьдесят шесть, и она громко рыдала. Под руку ее поддерживала служанка, немногим помоложе, за ними шли еще две фрау, также в расстроенных чувствах, обе – лет сорока с лишним. Судя по одежде, это были бюргерские жены.

Почтенная фрау, оттолкнув Маликульмулька, попыталась открыть дверь аптеки. Слабыми руками она ухватила за дверной молоток, но служанка и две особы помоложе молоток у нее отняли, а саму повели дальше по Торговой улице и свернули в узенькую Девичью, куда выходили калитки и ворота дворов. Заинтригованный Маликульмульк пошел следом

и увидел, что все четыре женщины входят в калитку – буквально в десяти шагах от угла. Очевидно, это был черный ход, ведущий в помещения Зеленой аптеки.

Вот теперь стало ясно – тамстряслась беда.

Маликульмульк пошел в аптеку Слона. Там он застал и герра Струве, и Давида Иеронима. Расстраивать старого аптекаря он не захотел, а пошел с Гринделем посмотреть установку для его новых опытов и рассказал, как пытался проникнуть в Зеленую аптеку по просьбе придворных дам княгини – они там какие-то особенные домашние конфеты покупали и еще хотят.

– Старая женщина очень маленького роста? – уточнил Гриндель. – Так это, наверно, сестра герра Илиша. Не случилось ли с ним чего? Он ведь даже старше герра Струве. Я пойду, узнаю.

– Пойдем вместе, – предложил Маликульмульк. – Я ведь пришел только за бутылкой бальзама для ее сиятельства.

– Я возьму для вас бутылку здесь, – Гриндель вошел в чулан и сразу же появился оттуда. – Деньги потом отдадите герру Струве. Идем... но отчего вы ходите по городу с корзиной?..

– Там вещи для ее сиятельства, – несуразно вывернулся Маликульмульк. Благовоспитанный Давид Иероним не задал более ни единого вопроса.

Он оставил Маликульмулька на Девичьей, сам вошел в калитку и вскоре появился.

– Там не до визитеров, любезный друг. Старый Илиш не на шутку расхворался. С утра еще был свеж и бодр. Боятся, что уже не встанет.

– А что говорит доктор?

– Доктору эта внезапная болезнь сильно не нравится. Мне тоже... – хмурясь, сказал Давид Иероним. – Но по разным причинам. Илиш задыхается, у него сильнейшее сердцебиение, головокружения, судороги, губы посинели. Доктор Вайсман пытается давать ему сердечные средства, а я... а я бы промыл желудок...

– Вы сказали ему это?

– Ему было не до меня.

Гриндель стоял у калитки в растерянности – то ли уходить, то ли вернуться и настоять на своем.

– Вы полагаете, он выпил что-то... что-то опасное? – спросил Маликульмульк.

– Да.

– Но отчего герр Вайсман этого не понимает?

– Оттого, что герр Вайсман – ровесник Илиша и не читает научных журналов! – выпалил Давид Иероним. – А я для него мальчишка, задирающий нос, и... и латыш...

– Очень хорошо, – сказал Маликульмульк. – Пойдем вместе. Я – не латыш...

– Русских он еще меньше жалуется.

– Тогда я сейчас же пойду в управу благочиния, до которой в худшем случае полсотни шагов. Меня там знают и ссориться с его сиятельством из-за дурака-докторишки не захотят.

– Предки этого дурака-докторишки живут тут по меньшей мере четыреста лет.

Маликульмульк, который не на шутку загорелся походом в управу благочиния, хмыкнул.

– Давид Иероним, вы ведь прямой немец, – сказал он. – Ваша матушка, насколько я понял – немка, ваш батюшка...

– Для них и мои правнуки будут латышами, – ответил Гриндель. – Когда человек ограничен и туп, его мысли сводятся к простым предметам. Мое происхождение – это предмет простой, а вот журнал, в котором описаны опыты Шееле с синильной кислотой, – это предмет сложный...

– Какой кислотой?

– Синильной. Карл Вильгельм Шееле, тоже аптекарь, кстати, аптекарь из Чепинга, открыл ее двадцать лет назад и описал. Тогда же стало ясно, отчего бывают случаи отравления настойками, в которые входит горький миндаль. Но Вайсман не бывает больше в анатомическом театре, где встречаются настоящие врачи, желающие знаний, а не гонораров. Он не читает ученых журналов. Ему это ни к чему.

– Значит, надо идти в управу благочиния! Вы ведь хотите спасти герра Илиша?

– Хочу. Он добрый приятель герра Струве. Когда они собираются вместе и вспоминают былое, не нужно никаких романов и никакого театра, они же – из тех аптекарей, что были бродячими подмастерьями. Это я хочу купить аптеку, получив знания в университете...

– Давид Иероним, на что вам эта аптека? Вас же звали в столицу!

Гриндель устался на носки своих сапог, измазанные в снегу. Потом вздохнул и снова отворил калитку.

– Я скажу ему, что это может быть. И если не послушает...

Он вошел в крошечный дворик, Маликульмульк остался стоять посреди Девичьей улицы.

Откуда в Зеленой аптеке взялся яд? Это был недавно открытый яд – значит, в старые снадобья, рецепты коих передавались от деда к внуку, он входить не мог. Конечно, Гриндель мог и ошибиться. Вряд ли он каждый день видел отравленных синильной кислотой, он знал признаки по ученому журналу... надо же, как любопытно устроена аптекарская голова, для всего там найдется полочка...

У Гринделя – знания и память, у философа – живое воображение. Сейчас он не дремлет, для удобства облачившись, как в теплый архалук, в свою многопудовую ипостась – Косолапого Жанно, сейчас он стоит по щиколотку в снегу, и на согнутой руке корзинка с бутылками. Девичья улица плохо убирается, потому что по ней почти не ходят. Она – для хозяйственных нужд и для вывоза всякой дряни, в том числе нечистот. А раньше, когда почти все горожане держали скот, сюда глядели ворота хлевов. Страшно представить, какая вонь стояла в Риге, если и теперь по улицам порой пройти жутко.

А философ не лежащий, но стоящий, рассуждает с большим удовольствием. Ему действительно любопытно, как могла попасть отравка в аптеку. Герр Струве, скажем, может приобрести какое-то новое лекарство – Гриндель для него вычитывает их названия в немецких журналах. Может, какой-то жулик предложил Илишу снадобье, сам не зная, из чего оно состоит? И аптекарь, наживший немало старческих хвороб, решил его на себе попробовать? Сие логично... Только вот рижские бюргеры мошенников остерегаются в любом возрасте, а раз Илиш все еще управлялся с аптекой – значит, он в своем уме и у незнакомого продавца ничего не возьмет. Давид Иероним, надо полагать, ошибся – и это ошибка простительная, проистекающая от нелюбви к доктору Вайсману.

Рассуждая, Маликульмульк стоял лицом к Сарайной улице, наблюдая за прохожими. Вдруг он ощутил прикосновение к плечу и обернулся.

– Илиш скончался, – сказал Давид Иероним. – Я иду в управу благочиния и прошу вас составить мне компанию. Необходимо, чтобы тело доставили в анатомический театр и исследовали.

– Вы убеждены, что это отравление?

– Бедный Илиш задохнулся. Это не болезнь сердца. У него были судороги, он кричал, порывался куда-то идти, потом потерял сознание. И задохнулся...

– Вы это видели сами?

– Когда я вошел, все было уже кончено. Я спросил ученика, Нольда. Он тоже ничего не понимает... Сказал: с утра Илиш был свеж и бодр, сам обслуживал покупателей. Его это развлекало – с каждым ведь можно поговорить, узнать новости... Бедный Илиш... Нольд возился с ним и сказал важную вещь – от старика пахло миндалем, как будто он съел по

меньшей мере фунт. А это – признак! Фунт миндаля может отправить на тот свет здорового мужчину – такие случаи бывали... Илиш наверняка о них слышал...

– У него были враги, недоброжелатели? – спросил Маликульмульк.

– Нет, его все любили. Он помнил старое – у него была отменная память, он даже дамам рассказывал, что носили их бабки... Идем, герр Крылов. Это может оказаться преступление.

– Но с какой целью?

– Я не знаю, я не полицейский сыщик. Я всего лишь аптекарь, читающий ученые журналы! – выкрикнул Гриндель. – А он – рижский бюргер в двадцатом поколении! Он понятия не имеет о новейших открытиях, но он – чистокровный немец!

– Идем, – сказал Маликульмульк, впервые видевший приятеля в таком волнении. – Идем, я – с вами.

– Синильная кислота и ее производные очень быстро разлагаются, тело должно быть уже сегодня доставлено в анатомический театр. Проводились опыты... это необходимо проверить...

– Идем!

* * *

– Попробовали бы они указать тебе на дверь, – сказал Голицын. – Вот чертовы немцы! Помяни мое слово – завтра притащится какой-нибудь старый хрыч с жалобой на тебя. Я и не думал, что ты умеешь орать, как капрал на плац-параде.

– Сам не думал, ваше сиятельство, – понурившись, отвечал Маликульмульк. – Но не мог позволить, чтобы Гринделя при мне обидели. Не мог.

Философ, вопящий в помещении управы благочиния по-немецки и от волнения путающий глагольные времена, не говоря уж о порядке слов, – зрелище, должно быть, отвратительное. Толстый буйный философ с широкой простецкой мордой, машущий рукавами шубы, – и вспомнить-то гадко. Но иначе не получилось, его разозлили, ему стало скверно, и он вдруг понял, что если не заорет – будет еще хуже...

Маликульмульк, вернувшись в замок, сам не мог понять, как он дошел до такого полубезумного состояния, совершенно не философского состояния. Он не был наблюдателем, но он заранее знал, что кое-кто будет смотреть на Гринделя косо, что молодому химику могут не поверить: про мышьяк мы слышали, про синильную кислоту отродясь не слышали, стало быть – враки, и что еще за яд, который из мертвого тела пропадает неведомо куда? Вот и получилось – встал посреди комнаты и загремел, как Вергилиев Нептун, умиротворяющий буйные ветры: «Quos ego!» Только, в отличие от Нептуна, взывал к титулу и должности князя Голицына. Вроде подействовало.

– Ничего, братец. Мы твоего Гринделя в обиду не дадим, – пообещал князь. – И что там было, в анатомическом театре?

– Сперва насилу тело у родни отняли. А потом – не ведаю. Там собрались врачи, аптекари, я в их разговорах ничего не смыслю. Посидел, посидел в зале на заднем ряду да и убрался. Я чай, Гриндель пришлет мне сюда записочку.

– Лучше сам к нему после ужина поезжай. Пусть расскажет подробно. А то оно как-то загадочно выходит – стоит нам с тобой затеять разбирательство о бальзаме, как старик, знающий начало всей этой истории, на тот свет отправляется...

– Струве! – воскликнул Маликульмульк.

– Что – Струве?

– Если это доподлинно отравление, то следующей жертвой будет Струве. Он ведь мало того, что помнит былое, о нем еще известно, что мой приятель!

– Идем ужинать, и, Христа ради, за столом – ни слова об этом деле, – велел Голицын. – А то моя княгинюшка и аптекаря сюда на жительство определит, я ее знаю, да и ты тоже. Не женись на норовистой девке, братец. Она всегда все по-своему сделает...

– А вы, ваше сиятельство?

– Так я же ее люблю... – князь усмехнулся. – Сам себе кажусь заморским дивом и чудом-юдом. Веришь ли – как повенчались, ни с кем и никогда... А ведь при матушке Екатерине двор был, прости Господи, сущий вертеп разврата, чего там только не творилось... Бери свечку.

Они вышли из кабинета и направились к столовой по длинному коридору, почти рядом – насколько позволяло телосложение Маликульмульково.

Оба молчали. О чем думал князь – неведомо, а у философа в голове творилось неожиданное – словно некий живущий там сильф, или гном, или аллах его ведает кто, накрывал на стол и выставлял всякие яства и пойла: жидкие, твердые, дрожащие, вроде заливной рыбы или бланманже. Выставлял и спрашивал: а сюда возможно ли добавить яд? А сюда? А как?

И вот этот язвительный дух вытянул из незримой печи жестяную форму, опрокинул – и Маликульмульк явственно увидел большой, роскошный, царственный французский пирог. Тот самый, которому надлежало стать героем новой комедии.

– А как сюда добавить яд? – спросил сильф или гном.

– Как будто не ведаешь. Снизу взрезать дно и влить его в дырочку, – отвечал Маликульмульк.

– А запах?

– Запах запеченной дичи перебьет.

– Ан нет, не перебьет!

И тут разговор прервался – князь и философ вошли в ярко освещенную столовую.

– Я, я! Мне, мне! – воззвал к философу Косолапый Жанно.

– Да сделай милость...

И Косолапый Жанно, устроившись в широком и покойном кресле, нарочно для него поставленном к столу, взялся за работу. Он был счастлив, подтаскивая к себе блюда и хватаясь за соусники.

Философ маялся – его одолевали голоса, девичий и мужской. Девушка была Тараторка, а мужчина – бойкий сбитенщик Демьян Пугач. Более того – это были летние голоса, зимой так не разговаривают, беззаботные голоса горожан, выскочивших хоть на денек побродить по лугам и рощам.

– Ба! Иван, ты здесь? – немного неестественно, хотя весело и живо спросила Тараторка. – Что ты тут делаешь?

В голоске еще была фальшь, но куда от нее деться? Горничная Даша, которую сыграет Тараторка, отлично знает, для чего Иван тащится по проселочной дороге, груженный целым сундуком, а почтенная публика не знает.

– Здорово, Дашенька! Да вот принес пирог твоим господам, – отвечал Демьян, улыбаясь и пожирая Дашу круглыми своими черными глазами. – Ведь ты знаешь, барин мой звал ваших сюда на завтрак.

Фальшь, фальшь! Но дальше, дальше!

– Ну да! Мы за тем и выехали. Господа давно уж гуляют, – как-то скучновато сказала Тараторка, и Маликульмульку захотелось самому произнести слова: впрочем, он не знал еще, каким чувством их оживить, рада ли Даша встрече, или только терпит Ваньку.

– Да кто с вами? – спросил Ванька-Демьян... несуразным голосом спросил, поскольку уж он-то прекрасно это знает.

И вдруг голоса ожили, сперва – Тараторкин, потом – Демьянов! Ожили, зазвучали, и тело пронизал трепет – есть, есть, попались, живут, записать, записать скорее!

– Старые господа, барышня и бедный Милон, который не может от нас отстать, хотя потерял всю надежду жениться на барышне, – произнесла Тараторка с явным сочувствием к Милону.

Демьян Пугач образовался в голове совершенно – с особенной музыкой своего голоса, куда там скрипке Гварнери дель Джезу!

– Куда ему за нами! Мы и не таких соперников с рук сживали! – восторженно завопил он. – Нет! Да посмотри-ка, Дашенька, каков пирог, – прямо жениховский!

Маликульмульк выскочил из-за стола, опрокинул кресло, понесся прочь из столовой. Его провожал дружный хохот. Где, где, где ближайшая чернильница, перо, бумага? Записать, записать прозой, потом переложить в стихи... получится, получится!..

Он ворвался в канцелярию, сел за стол в потемках, опомнился, побежал искать сторожа, чтобы зажечь свечу. В голове – какое неслыханное, незаслуженное счастье! – продолжали беседу горничная Даша и слуга Ванька. Свеча вспыхнула, перо клюнуло чернильницу – до самого донца, с него сорвалась прямо на стол здоровенная клякса, слова побежали, побежали, не поспевая за голосами... ну, дай Бог здоровья Пугачу...

Именно он взял власть в свои руки, он трещал, частил, наслаждался ароматом дорогого французского пирога, соблазнялся сам – и соблазнял товарку свою, Дашеньку-Тараторку. Пирог, выпеченный в вычурной форме, был как старинный город...

– Ну так бы и взял его приступом! – воскликнул Демьян и причмокнул; ах, кому бы сыграть это сочное чмокание, это вожделение? – Право бы взял, Дашенька, как бы не боялся, что барин подоспее сикурсом... Ах! я уж давно в него всматриваюсь. Я три дня ел, право, один хлеб. У моего барина такая привычка, что как он изволит покушать, то думает, что весь свет сыт. И вот уж месяца два не получал я моих столовых...

Понеслось, понеслось... точно – ожил!.. со всеми своими горестями, со всеми своими сучками-задоринками... доподлинный лакей... как потом загонять все это в стихи?..

Но полно, отчего комедия непременно должна быть в стихах? Вон Клушин писал же прозой – и вышло отменно.

Комедия должна быть в стихах оттого, что «Подщипа» написана александрийским стихом и удалась лучше всего, что он сотворил ранее. Вот в чем беда – дорогу заступила «Подщипа», самая лихая и бесшабашная его пьеска, самая дерзкая, и теперь во всем изволь с ней считаться. У всякого свое честолюбие – уже стыдно написать хуже, чем тогда. А как написать лучше? А Бог весть, главное – не задумываться и подгонять в голове своей Тараторку с Демьяном, пусть говорят, пусть говорят...

Но как так получилось, что именно «Подщипа»? Только ли потому, что с немалым риском прошелся там по причудам покойного императора? Ведь и теперь, когда император скоро год как в могиле, у Голицыных с удовольствием вспоминают отдельные строчки. Чем «Подщипа» лучше тех же «Проказников»? Или «Сочинителя в прихожей»?

Ведь там же нет дешевых кундштюков, достойных немецкого масленичного балагана или итальянской арлекинады! Они написаны превосходно – а в «Подщипе» половина смеха возникает от того, что принц Трумф говорит на искореженном русском языке, а князь Слюняй три четверти звуков не выговаривает, особенно публика хватается за животики, когда эта парочка вдвоем на сцене остается. Там только битья палками по голове и по заду недостает, как в кукольной комедии про Петрушку!

Мысль вредна – она глушит живые голоса, и вот уж перо которую минуту висит над бумагой, того гляди высохнет, а Маликульмульк думает, думает... Как переложить живые слова в стихи? Что из этого получится?

Может быть, каждый век является на свет со своими законами? Вон в восемнадцатом следовало писать так, как написаны «Проказники» или «Бешеная семья». Но он приказал

долго жить, а девятнадцатый начался с «Подщипы» – и она, помимо воли сочинителя, оказалась написана по каким-то новым правилам. Но по каким? Растолкуйте, люди добрые!..

Поняв, что теперь уж мало что напишется, Маликульмульк встал, взял свечу и поплелся обратно в столовую.

– Дурак же ты, братец, – проворчал Косолапый Жанно. – Там все, поди, без тебя подыели. А явишься – пересмеиваться начнут: по какой такой причине тебя вихрем из-за стола вынесло, куды устремился, как листок осенний, Борею гонимый?

– Явился? – приветствовала его княгиня. – А я пирог для тебя берегу, никого не подпускаю! Садись, Иван Андреич! Полегчало тебе?

– Полегчало, ваше сиятельство, – отвечивал Косолапый Жанно, перенимая из рук лакея блюдо с пирогом и устанавливая его перед собой удобным образом. Пирог был хорош, да маловат, фунта на два с половиной. А тот, нужный для комедии, должен быть фунтов шести по меньшей мере. На четыре-то персоны, хотя женщины много не едят... Тот должен иметь вид, чтобы его издали разглядели и оценили.

Философ задремал, позволив Косолапому Жанно насладиться творением повара Трофима. Разбудил его Голицын:

– Ты, братец, не засиживайся, а беги искать своего дружка-аптекаря!

Мало приятного – после сытного ужина, не посидев в гостиной хотя бы часик (для здоровья, для здоровья! дайте брюху без суеты осуществить его тяжкий труд!), одеваться и выходить на мороз. Однако надо. Ибо смерть Илиша что-то да значит в склоке между аптекарями и купцами Лелюхиными.

Пришлось...

И, надо ж, повезло! Маликульмульк повстречал Гринделя у самой Свинцовой башни – тот нес в замок заранее приготовленную записочку.

В записочке было два немецких слова (если бы по-русски – одно): «отравление».

– Пойдем в «Петербург», – сказал Маликульмульк, – там все обсудим.

– Пойдем, – согласился Давид Иероним. – Я безумно хочу есть...

– Не угодно ли горячих колбасок?

– Мне все равно.

Они устроились в самом углу обеденного зала.

– Я прежде всего хочу поблагодарить вас, герр Крылов, – сказал химик. – Полицейские все же побаиваются князя. Они доставили в анатомический театр ученика и подмастерьев бедного Илиша. Их допросили. Все были примерно так, как я предположил... только я не хочу рассказывать всех подробностей, они отвратительны...

– А какие допустимы в приличном обществе?

– Вот что произошло. Подмастерья и ученик работали в задних комнатах, посетителей принимал Илиш. Он любил, когда приходили люди, ведь его знала вся Рига, он усаживал покупателей, говорил с ними, шутил... Если что-то требовалось – звал, мог постучать тростью в стену. Вот и вышло, что никто не видел убийцы.

– Но он же проглотил отраву?

– Проглотил.

– Вместе с какой-то едой или питьем?

– Да.

– Но в аптеке Слона герр Струве или вы, когда приходит уважаемый покупатель, приказываете подать кофей, Карл Готлиб выходит и видит, кто пришел...

– Я понял. У бедного Илиша был большой серебряный кофейник, очень красивый. Обычно он стоял в аптеке на видном месте. За четверть часа до смерти Илишу принесли этот кофейник, наполненный кофеом до самой крышечки. Он угостил гостью – жену мастера

цеха пекарей ржаного хлеба, она ушла, и после этого пришел убийца. Ему повезло – кофей в кофейнике был еще горячим, в вазочке лежали пумперникели.

– Это печенье с орехами? – уточнил Маликульмульк.

– Да. И его никто не видел, понимаете? Подмастерья вошли в торговое помещение, когда услышали грохот. Илиш упал, покрылся холодным потом, они пощупали пульс – пульс был ускорен. Они испугались, закрыли аптеку, перенесли Илиша в задние комнаты, послали ученика за врачом. Вайсман живет тут же, на Торговой, он пришел быстро. Были перебои дыхания, сердце работало очень неровно – он не придавал значения судорогам, ему не показалось странным, что лицо Илиша посинело... Он только понял, что старик умирает, и велел привести жену с прочими родственниками.

– И вскрытие показало, что это синильная кислота?

– Да, признаки были явные – полный рот пенистой слизи... простите, герр Крылов... Вам довольно знать, что мое подозрение подтвердилось. Я даже мог бы сказать, сколько именно отравы проглотил бедный Илиш, – с учетом того, что он стар и сердце ослабело, не более полутора гранов яда.

– Но откуда взялась эта самая кислота? – спросил Маликульмульк. – Трудно ли ее добыть в Риге?

– Легче, чем вы думаете. Если бы она мне понадобилась для опытов, я бы к завтрашнему утру имел сколько угодно, хоть ведро. Что, по-вашему, используют для получения лавровишневой воды, которую так любят наши дамы?

– Си... синильную кислоту?..

– Ягоды или даже листья лавровишневого дерева настаивают в воде, потом производят отгонку, потом полученную жидкость растворяют в спирте – буквально каплю на стакан. Есть там и другие элементы, но это неважно. Вы ведь употребляли лавровишневую воду?

– Хм... у ее сиятельства есть флакон, у наших дам также, запах мне известен, весьма приятный... Капают в стаканчик, когда разволнуются, могут принять, если кашель одолеет. Это что же – если выпить кувшин лавровишневой воды?..

Первая мысль Маликульмулька была о детях. Они любят таскать у старших, в том числе и у матери, всякие загадочные предметы. Так что же – предупредить ее сиятельство? Он поделился своими опасениями с Гринделем.

– Вы лучше следите, чтобы к ним не попал горький миндаль. У вашего повара, наверно, есть запасы. Для вкуса хватает одного ядрышка на целый котел. Десять ядрышек – смерть для ребенка.

– Господи Иисусе!

Тут кельнер принес им заказанные горячие колбаски, тушеную морковь, особенный рижский хлеб с тмином, поставил оловянные кружки с крышечками. В кружках было горячее пиво с пряностями, в которое для особой густоты были подмешаны яичные желтки с сахаром.

Маликульмульк не чувствовал голода – да и что такое для закаленного в битвах брюха четыре тонкие жирные колбаски? Но они исчезли стремительно, он заказал еще порцию. То, что рассказал Гриндель, так проняло Косолапого Жанно, что только мерные движения челюстей могли его успокоить. Рига полна отравы! В каждой аптеке, торгующей пузырьками с лавровишневой водой, на каждой кухне – яд!

Из чего вытекает, что к смерти одного аптекаря приложил руку какой-то другой аптекарь.

– О чем вы задумались? – спросил Давид Иероним.

– О смерти Илиша. Что она означает... Ах да, вы же еще ничего не знаете!

– Что я должен знать?

Маликульмульк помолчал, глядя на опустевшую тарелку. Остался один запах... Нужно ли было говорить Гринделю, что Голицын велел разузнать о вражде аптекарей с Семеном Лелюхиным и его наследниками? Давид Иероним тут же поймет, что герр Крылов, еще даже не собрав сведений, заранее стал на сторону русских купцов. И что из сего выйдет? Охлаждение приятельства – и ничего более...

Был бы здесь Паррот! Вот кому Маликульмульк мог бы все объяснить, невзирая на несносный нрав физика. Да, Парроту не нравится, что журналист, драматург и философ становится компаньоном знатной особы и кормится с барского стола. Еще менее ему нравится, что философа назначают начальником генерал-губернаторской канцелярии, не сообразуясь с его способностями и нравом. Видимо, чтобы угодить Парроту, Маликульмульку следовало бы подать в отставку и определиться преподавать словесность в Екатерининскую школу.

Паррот... он бы сумел сегодня защитить Давида Иеронима от дурака-доктора и настоять на правильном лечении старого Илиша... ведь наверняка и в анатомическом театре Гриндель наслушался всяких неприятных слов...

– Послушайте, Давид Иероним, не собирается ли в Ригу Паррот? – вдруг спросил Маликульмульк.

– Нет. Он вам нужен?

– Нет... хотя, пожалуй, да, нужен... впрочем, я не уверен...

– Мне написать в Дерпт?

– А вы не переписываетесь?

– Переписываемся, конечно, как раз вчера я отправил ему коротенькое письмо.

Маликульмульк сделал знак кельнеру – он понял, что без третьей порции сосисок не обойдется.

– Не боитесь есть на ночь столько жирного? – спросил Гриндель.

– Я привык. Вот что... можете ли вы исполнить мою просьбу, не задавая никаких вопросов, просто – исполнить? Потому что я прошу, и это – главный аргумент?

– Могу, если это в пределах моих возможностей.

– Любезный Давид Иероним, я прошу вас в ближайшие дни позаботиться о герре Струве... ни о чем не спрашивайте, ради Бога! Просто сделайте так, чтобы он ни на минуту не оставался в аптеке один! Как несчастный Илиш!

– По-вашему, и ему грозит опасность?

Маликульмульк вздохнул. Нужно было все же хоть что-то объяснить.

– Из столицы пришло очередное послание. Князь хочет узнать, как начался спор из-за рижского бальзама. Начало сей запутанной истории знают только старые аптекари. Вон Илиш непременно знал...

– Кому-то не хочется, чтобы князь выяснил правду об этом деле? – догадался Гриндель. – Но тогда это могут быть только Лелюхины! И имейте в виду – на их фабрике изготовить синильную кислоту так же просто, как в моей лаборатории!

– Я не знаю, – тихо ответил Маликульмульк. – Я не знаю, кто бы это мог быть. Ясно только, что эта смерть связана с вашим чертовым бальзамом, будь он неладен! И не говорите мне больше ничего об этом! Я не труслив, я Тайной экспедиции не боялся, самого Шешковского не боялся! Писал, что хотел! Думаете, меня не предупреждали? Издавал, что хотел! Сатиры мои не знали чинов и титулов!.. А тут – яд, гнусная интрига и яд... это у меня вызывает отвращение, отвращение и страх... я не знаю, как еще объяснить...

– Вас слушают, – прошептал Гриндель, взглядом указав на соседний стол, где во время страстной речи философа все приумолкли.

– Бог с ними. Здесь нет лавровишневой воды?

– На что вам?

– Со мной случается... я вдруг испытываю страх, а тут, при мысли о яде, о той пенистой слизи во рту...

Он вскочил и выбежал – напрямик на улицу... успел...

Эта странная и стыдная особенность его тела была ему ненавистна. Он взращивал в себе смелость, чтобы тело наконец смирилось и образумилось. Иногда получалось. Сейчас – почти получилось.

Снег, летевший большими мягкими хлопьями, покрывал его спину, грудь, живот. Он стоял неподвижно – это ли был холод для человека, который мог голышом искупаться в проруби?

Он забылся и понемногу превращался в белый монумент Косолапому Жанно – философ признает лишь те памятники, которые изготавливают в типографии, а Косолапый Жанно, глыба плоти, должен получить соответствующую каменную глыбу, хотя бы воображаемую...

Сказывали, какой-то король, чтобы не отравили, пил только воду, которую набирал из ручья, и только яйца, которые варил всмятку. Забавно было бы – вода и яйца, вода и яйца... Так, пожалуй, и обдуришь злодея.

Вот только откуда злодей знал, что князь и начальник его канцелярии будут искать правды у старых аптекарей?

Глава третья

Дегустаторы

Подчиненные, видя, что начальник не в духе, положили прямо посреди стола стопку конвертов с печатями, а полученные с утра депеши – чуть сбоку. Не может в Риге быть таких новостей, опоздание которых смерти подобно. Государь молод и здоров, войны нет и, кажется, не предвидится, зима – в порту тихо, так пусть уж Иван Андреич побалуется. Это и впрямь успокаивает – медленно, тонким лезвийцем, отделяешь сургучную лепешку от плотной бумаги, следя, чтобы она не треснула, и перед тобой образуется разноцветная кучка: больше всего красных печатей, попадаются и карминные – это зависит от добавки в сургуч киновари; зеленые, когда подмешана ярь-медянка, и черные, когда подмешана простая сажа.

Он и баловался – заняв руки несложным и кропотливым делом, перебирал в голове все, что знал о вражде аптекарей с Лелюхиным. Хорошо бы полицейские сыщики опросили соседей Илиша – может, кто и заметил убийцу, входящего в Зеленую аптеку. Этот убийца – из тех покупателей, ради которых и был заведен большой серебряный кофейник. Он – рижанин, Илиш знал его не первый день. Он – немолодой рижанин, бюргер, ему есть что терять, если явится на свет какая-то подробность чуть ли не сорокалетней давности.

Что же тогда произошло? И кто это может знать? Даже иначе нужно поставить вопрос: кто из старых аптекарей согласится говорить о тех временах и событиях? Герр Струве – почти приятель, а прочие – чужие. Может, стоит еще раз побеседовать со Струве, авось чего нового вспомнит? Или он чересчур огорчен и напуган смертью Илиша?

Вся надежда на полицию...

Потом Маликульмулька позвал к себе в кабинет Голицын.

– Ну, приступим, что ли? – спросил он.

На подоконнике стояла корзинка с бутылками, которых Маликульмульк набрал вчера во всех аптеках.

– Во что разливать прикажете, ваше сиятельство?

– Во что?.. А сбегай-ка ты, братец, в буфетную. Сколько там бутылок?

– Семь, ваше сиятельство.

– Четырнадцать чарок возьмешь... Сам нести не вздумай, на то у нас люди есть!

Четырнадцать чарок были доставлены в кабинет, выстроились на столе попарно, и тут князь с философом вспомнили, что недостает главного – лелюхинских бальзамов для сравнения.

– Они у княгини в кабинете, – подумав, сказал Голицын. – Она их вчера забрала на случай, если придется кого-то пользоваться от простуды. Отправляйся-ка, братец, и возвращайся с добычей.

– Легко сказать, ваше сиятельство! Что я объясню ее сиятельству? Что мы устроили в вашем кабинете попойку?

– Ах, черт! Ну... ну придумай что-нибудь, ты же сочинитель!.. Ступай!

Князь был азартен. Маликульмульк слыхивал про шалости его молодых лет, что за карточным столом, что по амурной части. И вот теперь оказалось, что азарт не пропал с годами, не сморщился и усох, а жив и требует своего. Достаточно посмотреть на лицо со злодейски прищуренным левым глазом.

Маликульмульк пошел было к апартаментам княгини, но спохватился, вернулся в канцелярию и забрал срезанные печати. У него ведь была в челяди союзница, няня Кузьминшна, хотя союзница не очень надежная – того и жди от нее дурацкого доноса, не потому, что вдруг вспылала враждой, в потому, что охота покрасоваться перед Варварой Васильев-

ной своим всезнанием и догадливостью, подтвердить перед всеми свое положение особы, приближенной к княгине.

Конечно, можно было сказать княгине правду – что производится дегустация, и не просто так, а с благородной целью. Но она, во-первых, разозлится, что князь затеял это дело без нее, во-вторых – захочет принять участие, и кончится это тем, что супруги повздорят, а кто останется виноват? Да Косолапый Жанно со своей неуклюжестью!

Проще забраться незаметно в кабинет и взять две бутылки из четырех, те две, которые уже почти пусты, а непочатые пусть остаются, иначе дегустация и впрямь кончится попойкой.

Няня Кузьминишна обреталась в девичьей и блистала не хуже молодой щеголихи на придворном балу – сидела в нарядной душегрее, присматривала за девками, занятыми рукоделем, и хвалила старые времена, когда никто знать не знал и ведать не ведал про нынешний разврат. Кабы не знать, что она состояла при Варваре Васильевне в пору первых придворных успехов будущей княгини, то, пожалуй, и поверить можно.

Тут же находилась и Тараторка, ковыряла иголкой клочок шитья и явно скучала; в девичьей не очень-то весело, а у себя в комнатке – и того скучнее. Прошла та счастливая пора, когда ее радовали новые книжки и журналы, когда весь досуг занимали певчие птички в клетках, а подаренная Маликульмульком «рисовальная школа» привела в восторг. Тараторка тосковала, как всякая пятнадцатилетняя девица, которой уже пора бы с кем-нибудь целоваться в темной комнате или в саду.

– Иван Андреич! – воскликнула она. – Заходите же, что вы встали?

– А ты тут отчего? – спросил Маликульмульк. – Ты бы шла к дамам, почитали бы вслух хороший роман...

– Дамы вышли в город, а ее сиятельство с мальчиками и аббатом кататься поехали, коньки с собой взяли.

– А ты что же?

– А я нездорова, – немного смутившись, ответила Тараторка.

– Простыла? Что тебе Христиан Антонович прописал?

– Да что ты, батюшка, к дитятку пристал? – вмешалась Кузьминишна. – Мало ли – съела не то, животик болит...

Тараторка ахнула, вскочила и вылетела из девичьей.

– Ну ты уж, нянюшка, девичьих секретов не выдавай, – сказал Маликульмульк и тоже вышел.

Тараторка обнаружилась за поворотом коридора.

– Я Варваре Васильевне на нее пожалуюсь! Хорошо еще, это были вы, а ну как перед кавалерами опозорит? Мало ли что... голова у меня болит! Мигрень, как у Прасковьи Петровны! – выкрикнула Тараторка.

– Слушай меня. Ты сейчас пойдешь в кабинет к ее сиятельству. Там стоят те бутылки с бальзамом, что мы давеча дегустировали. Так ты непочатые оставь, а початые принеси, – быстро велел Маликульмульк. – Его сиятельству надобно.

– А что, а что? – мигрень мигом прошла. – А для чего?

– Там другие бутылки принесены, надобно сравнить. Потом я их верну, поставлю вот тут, на полу, а ты отнесешь обратно в кабинет.

Маликульмульк страшно обрадовался, что решил эту задачку, но решение было палкой о двух концах.

– Иван Андреич, миленький, а что – это очень важно?

– Да, Тараторочка, очень. Его сиятельство хочет понять, кто Медицинской коллегии и Сенату головы морочит, рижские аптекари или купец Лелюхин. Ты же видела – тогда в гостиной уже один раз пробовали бальзамы. А теперь другие бутылки принесены...

– Ждите меня, я разом...

Она убежала, Маликульмульк остался в коридоре. Все-таки воспитаннице ее сиятельства удобнее заглянуть в кабинет, чем «послушай-ка братцу», подумал он, все пока складывается отменно. Еще бы нужно связаться с Егорием Лелюхиным, узнать про Анну Дивову. Может, там, на Клюверсхольме, удалось напасть на ее след?

Он вошел в девичью и отдал Кузьминишне конверт с печатями.

– А где же Маша? – спросила няня.

– Бог ее ведает, я за ней пошел было следом, да упустил, – соврал философ. – Передай Николеньке, нянюшка, пусть порадуется, там и зеленые есть. А я обратно в канцелярию пойду.

Он вышел, а через несколько минут появилась Тараторка, пряча под шалью бутылки.

– Иван Андреич, вы мне потом расскажете? – спросила она.

– Про бальзам?

– И про госпожу Дивову!

Ну да, подумал Маликульмульк, ну да, княгиня с дамами наверняка перемывала кости Анне Дмитриевне, а эта черная стрекоза сидела в уголке и все слышала.

– Когда удастся найти госпожу Дивову, то расскажу. Я же и сам ничего не знаю.

– Ой ли? Вы – да не знаете?

– Вы слишком хорошего мнения обо мне, Марья Павловна.

Маликульмульк поклонился и поспешил к князю.

Но из дегустации ничего путного не вышло.

– Вот, казалось бы, и я знаю толк в изысканных блюдах, и ты все на свете, братец мой, перепробовал, – сказал огорченный князь. – Языки у нас должны быть опытные по сей части. И что же? Вот только про этих двух аптекарей можно сказать с уверенностью, что они сами изготавливают бальзам свой. Попробовав неоднократно лелюхинский бальзам, выучились делать нечто похожее...

Он указал на бутылки, купленные в аптеках Оленя и Лебеда.

– Ваше сиятельство, нам отдохнуть надобно, и языкам нашим – тем паче, – подсказал Маликульмульк. – Тогда и сообразим, кому еще Абрам Кунце мог продать свой рецепт. А то языки от такого избытка вкусов ошалели и обезумели...

– Да и можем ли мы на них положиться? *De gustibus non est disputandum*, – вспомнил Голицын расхожую латинскую цитатку.

– Но мы уже полчаса только тем и занимаемся, что спорим о вкусах, – возразил Маликульмульк.

– Черт бы их всех побрал, – кратко резюмировал князь. – Я-то думал разгадать загадку лихим кавалерийским наскоком. Ан не вышло...

Тут дверь приоткрылась и заглянул секретарь Денисов:

– Ваше сиятельство, полковник фон Дершау! Прикажете просить?

– Проси, – отвечал князь, устремляясь к дверям и мгновенно скорчив страшную рожу Маликульмульку. Это был немой приказ: чтоб четырнадцать чарок и девять бутылок сей же миг пропали! А как?!

Маликульмульк успел сгрести чарки вместе и накрыть большой картой Лифляндской губернии. Бутылки же загородил собой, став к краю стола задом.

– Федор Федорович! Заходи! – радостно восклицал князь по-русски и перешел на немецкий. – Что тебя привело в сие унылое место?

Драгун фон Дершау был молод, в службе всего лет шесть, полковником – четыре месяца. Он немного смутился, узрев столь радушный прием. Это было как-то подозрительно, тем более что начальник канцелярии стоял у стола с видом мрачным и зловещим.

– Ваше сиятельство, я, очевидно, некстати... – пробормотал полковник.

Хмурая толстая рожа канцелярского начальника подтвердила: некстати, некстати!

– Да что вы, полковник, я всегда рад вас видеть! – сказал князь, но его левый глаз при этом отчаянно щурился, что придавало словам двусмысленность.

Не все гарнизонные офицеры разгадали тайну прищура, а она была самая невинная – Голицын таким образом скрывал, что глаз сильно косит. Фон Дершау видел, что слова и выражение лица расходятся меж собой, а тут еще герр Крылов торчит у стола, только что не сидит на его краю, и очень нехорошо смотрит.

– Нет, нет, извините меня! – с тем полковник отступил назад. И дверь захлопнулась.

Князь обернулся, увидел Маликульмулька и замер, приоткрыв рот. Канцелярский начальник, загораживающий бутылки, сильно напоминал вставшего на задние лапы и готового к решительным действиям медведя. Это было смешно – а то, что дегустация бальзама окончилась недоумением, уже не смешно.

– Убери-ка, братец, бутылки в шкаф, – сказал князь.

– Эти две надобно вернуть в кабинет.

– Ну так и возвращай. А я наконец работать сяду.

Вид у Голицына был огорченный. Маликульмульк знал это состояние – когда затеется нечто, на грани дела и игры, нужное и смешное разом, душа веселится, и вдруг – бац! Все портится, все ломается, праздник завершен, приходится браться за дела нудные и неприятные. Кому, как не Маликульмульку, это понять... разве не он бежал, торопился, чтобы не растерять прозвучавшие в голове слова?... И все равно – четверти даже не записал, а самые лучшие фразы, словно искорки, мелькнули в голове и пропали... такова горькая судьба драматурга...

И тут Тараторка в голове заговорила.

Хитрой такой лисичкой, нороящей обвести вокруг пальца, простофилю-Ваньку заговорила, голоском жалобным и завлекающим, дьявольским прямо голоском.

– Да не можем ли мы, Иван, пирожка-то немножко отведать? – спросила она осторожненько. – Ведь господа-то еще часа два ходить будут.

Демьян Пугач, он же лакей Ванька, тут же и растаял. Похоже, что настоящий Демьян, сбитенщик из Московского форштадта, тоже ни одной юбки не пропустит, ишь, какие глазки у него круглые и жадные...

Маликульмульк переносил чарки с бутылками на полку шкафа, чтобы потом забрать, а в голове шел вечный спор между Евой-соблазнительницей и простодушным Адамом.

– Хорошо бы, Дашенька, да... – Ванька-Демьян замолчал, словно бы взвешивая аргументы, главный из которых – та трепка, которую задаст его барин Фатюев, если с пирогом стряется беда.

А Даша-Тараторка уж стала к нему ластиться, глазки ее загорелись. Разве же Тараторка не такова? Как захочет что-либо разведать, так тут же – «Иван Андреич, миленький!..»

– Положись на меня, – заворковала эта чертовка. – Мы же ведь не жадимся; вынем по кусочку да и полно.

– Да, да! Только как мы прореху-то заклеим? – это в Ваньке-Демьяне последние остатки благоразумия возопили!

Маликульмульк большими шагами, ставя ноги вкривь и вкось, устремился в канцелярию.

– Иван Андреевич, курьер полную сумку привез, – сказал деловитый, как всегда, Сергеев. – Извольте посмотреть и распорядиться.

Письма лежали на столе, уже вскрытые. Маликульмульк взял верхнее – оно было о каких-то привилегиях магистрата и о необходимости исследовать, как можно применить к теперешним рижским обстоятельствам отдельные статьи «Городового положения» восьмидесятого года, очень разумного и отмененное покойным императором для остзейских

краев отнюдь не от большого ума. Маликульмульк взял другое – это был запрос о количестве иностранных кораблей, приходивших в прошлогоднюю навигацию, и об английских морях, оставшихся зимовать в Риге.

А в голове уже не кричали – стучали ногами Демьян и Тараторка.

– О морях, – сказал Маликульмульк. – О морях... Они ведь в Московском форштадте зимуют?

И повторил вопрос по-немецки.

– Да, герр Крылов, – ответил старший канцелярист Шульман. – И там же безобразничают, обыватели жалуются. Туда перебрались все продажные девицы, и таковые даже съезжаются из других городов. Это непременно нужно написать. Но сперва затребовать жалобы из управы благочиния.

Маликульмульк покосился на него – что еще за выдумка писать о Венериных жрицах в Санкт-Петербург, неужели генерал-губернатор Голицын не может приказать полиции навести порядок? Зачем докладывать о безобразиях?..

– Я сейчас приду, – сказал он и вышел из канцелярии, прихватив карандаш и два листка бумаги.

Подниматься в башню Святого духа, в прежнее свое жилище, он не стал, а сел на ступеньках витой лестницы. Он представил себе прореху в нарядной крышке французского пирога, увидел ее глазами Ваньки. Поневоле испугаешься!

– Молчи, ее и не увидят, – приказала Даша-Тараторка.

– Посмотрим твоих плутней, – недоверчиво отвечал Демьян. И дальше игру повела она – хитрая и сообразительная лисичка, Ванька-Демьян лишь приговаривал, сперва с сомнением, потом с восторгом: «Ну? Ну?»

– Делай только, что я велю. Сложи вчетверо салфетки две, – говорила она таким тоном, что не поспоришь; Маликульмульк знал этот тон женщины, берущей власть в свои руки. – Положи их на тарелку... Нет, это еще жестко. Подложи еще салфетки две... Опрокинь теперь на них пирог вверх дном... Вынь же карманный ножичек, коли есть... Вырежь же маленькую дырочку на дне... Ну, теперь и вынимай оттоль, что попадется!

Такая проказа была возможна только с французским пирогом. Его пекли не по-русски – тестяное вместилище и крышку запекали в формах отдельно, а начинку готовили отдельно и потом плотно укладывали ее в пирог. В русском через дырку начинку не вытащишь, а во французском, наверно, можно. Маликульмульк точно этого не знал, он все собирался заказать такой пирог в «Петербурге», уже и с поваром сговорился, только все тянул. Ему казалось, что возня с этой прорехой и начинкой вдохновит его на писание пьески «Пирог», но все вышло наоборот – и он сидит на узкой лестнице, черкает карандашом по бумаге, пристроенной на толстом колене. И ему начхать на столичные депеши, только бы никто не догадался, где искать беглого канцелярского начальника.

Как странно рождаются комедии! Вон первое свое детище, «Кофейницу», ночами писал, писал и мечтал, как благодарная публика будет вызывать на сцену сочинителя. О чем еще и мечтать в пятнадцать лет? Но интрига «Кофейницы» была проста – проще некуда. Потом трудился уже иначе – составлял план, писал деловито, как если бы резал узор по дереву или вышивал в пальцах. Заранее придумывал действующих лиц, снабжая их на Мольеров лад какими-то особенностями характера, каждому – по одной. Старушка Горбура – влюблива, Проныр – хитер, Азбукин – простодушен: только и знай, что составляй их в дуэты и трио, как покойный государь – оловянных солдатиков. И опять-таки – не то получалось, не то, хотя добрая княгиня Дашкова и поместила комедии в многотомный «Российский феатр».

«Подщипу» – просто сел и написал. В середине работы еще не ведал, как завершить. Хорошо, Маша Сумарокова пришла и взмолилась: Иван Андреич, хочу ролью! И кого тебе, стрекозе, играть, – осведомился он, – такую же тараторку, какова сама? Вдруг осенило –

Маша черненькая, шустрая, быть ей цыганкой! А цыганка – именно то лицо, чтобы привести шутотрагедию к смешному и счастливому финалу!

Но как писал? Что произошло? Отчего именно в шутотрагедии, ядовитой, как ведро синильной кислоты, вдруг разверзлись хляби внутричерепные и – полилась речь?.. Александрийский стих отчего-то был ей удобнее ломоносовских ямбов, уж с полвека обязательных для российской литературы.

Речь, речь – в ней ли дело? Легкая, живая русская речь, совершенно не похожая на все прежнее – и какой злой дух, угнездившись в голове сочинителя, до той поры требовал неустанно, чтобы сочинение было похоже на перевод с французского? Похоже, перетолковывание трудов Мерсье на русский не прошло даром.

Что делать, чтобы и теперь полилась такая же речь, простая и как-то особенно грациозная?

Грациозна ли речь Демьяна Пугача? Опытное ухо скрипача слышит в ней музыкальные фразы, понижения и повышения тонов; как прикажете сие передать на бумаге?

И Ванька заговорил Демьяновым языком:

– А, а! догадался! Да ты бес на выдумки. Я и сам не промах, а мне бы ввек этого в голову не пришло. Подсядем же мы к пирожку-то чиннехонько.

Дальше герои комедии должны жевать начинку пирога, перекидываясь репликами; ну, это написать несложно, самому приходилось речи держать с набитым ртом; ан нет, тут – иное, тут Ванька за Дашей увивается, предлагая ей вместо цветочков птичью ногу. Даша-то не глупа, она видит, что в пироге делается все просторнее, а Ванька прост, он придумал вранье, будто начинка от дороги осела, и рад. И ухлестывает, и радуется барскому лакомству, и пытается галантонничать на барский лад! Записать это, хоть обрывочками, хотя голос Демьяна уже не звучит. Демьян был наподобие камертона – стукнешь им по пюпитру для нот, он даст верный тон, а более не нужен... Демьян – вольный казак, хоть и сбитенщик, а Ванька с Дашей – люди крепостные, и нет для них большего счастья, чем посплетничать о господах... именно так, в сплетне, они и доложат публике все необходимое, лишь бы не сломался карандаш... лишь бы потом удалось разобрать свои каракули...

И вот краткие портреты: старый Вспышкин – бешен, вспыльчив и ветрен; это уже было, вспомнить того же Сумбура из «Бешеной семьи», это – фигурка бумажная... да как же быть, коли именно такой батюшка и надобен для сюжета? Супруга его Ужима – и Ужим а также была: старушка притворная скромница, которая сошла с ума на романах и на песенках; в людях она ангел, а дома от нее никому покоя нет... И Прелеста – была! И Милон, печально-благородный любовник, – был! Все были! Отчего они вылезают, как мыши из сундука со старыми рукописями?..

Пирог пуст. Даша и Ванька, обвинив друг друга в этой беде, разругались в пух и прах. Не пишется более. Сцена кое-как завершена. Пирог пуст...

Все не так. В голове сценка была диво как хороша. Она звучала! На бумаге... да такой бумагой разве что подтереться...

Маликульмульк вернулся в канцелярию и снова засел за бумаги, понимая в них очень мало. Все отвлекало его от службы, решительно все. Мысль об английских морях, которые колобродят в Московском форштадте, потянула за собой мысль о купцах-староверах, которые сильно этим недовольны; от староверов мысль перелетела к православным, к Лелюхину, к аптекарям, к Илишу...

Как вышло, что убийца узнал о намерениях Голицына разобраться в запутанной истории с бальзамом?

Или причина была иная? Аптекари, как врачи, много знают, а на старости лет делаются не в меру разговорчивы, вспомнить хотя бы Струве. Не знал ли Илиш чего-то о делах нынешних? О чьих-то амурных проказах, завершившихся дурной болезнью? О чьей-то супруже-

ской измене, которая привела к нежелательной беременности? О том, что есть травы, которые вызывают выкидыш, Маликульмульк знал от театральных девок; знал также, что не всем они помогают. Как знать, не хранил ли Илиш в своих закромах такие полезные дамскому сословию травки?

Коли так – то все аптекари свободны от подозрений. Отчего бы аптекарю травить собрата, который дал даме или кавалеру нужное в тайной беде лекарство? Это может быть поводом ссоры меж ними, но не убийства. Надо будет спросить Гринделя, нет ли в Риге химиков-самоучек...

Но ведь синильную кислоту можно запросто изготовить на бальзамной фабрике Лелюхина. А вот ссора между Лелюхиным и аптекарями известна даже государю императору.

Вот теперь все складывается логично – Лелюхин знал, что князь Голицын хочет раскопать давнюю историю, и убрал единственного, может быть, свидетеля. Складывается – да как же это все скверно!..

Купец Маликульмульк понравился. Не хотелось думать о нем плохо. Опять же – свой, русский. Но как быть, если ниточка к нему тянется?

Часы пробили два – время обеденное. Тут не столица, где пушечный гром призывает выпить немедленно чарку водки, тут скучнее. Маликульмульк побрел в голицынские апартаменты. По пути он заглянул в кабинет князя, взял лубяной коробок, в котором были принесены чарки, составил их там, прибавил украденные у княгини бутылки и понес все это добро в буфетную.

По дороге он невольно думал о неудаче – ведь прав Голицын, у обоих языки опытные, отчего ж произошла путаница? Неужели количество чарок тому виной? Но ведь помнит язык оттенки вкуса, помнит... что, коли у разных людей помнит по-разному?..

До дверей «Петербурга», если считать от дверей в Южном дворе замка, всего-то чуть более ста тридцати шагов. Шубу с шапкой можно и не надевать – а рысцой, петушком, хоть и вразвалочку!

В «Петербурге» у Маликульмулька был приятель – повар Генрих Шульц, который представлялся незнакомым людям как Анри Шуазель. Надо сказать, что по-французски он говорил отменно, а по-немецки – не на рижский лад. Маликульмульк все ломал голову – то ли он природный француз, который, скрываясь от каких-то недоброжелателей, притворяется немцем, то ли прекрасно обученный кулинарному ремеслу немец, которого выдают за француза, чтобы привлечь едоков.

Этому Шульцу-Шуазелю нужно было задать несколько вопросов. Как бы он ни был занят на кухне, а пару минут выкроит.

Повар явился, как положено, в белой куртке и колпаке.

– Скажите, месье Шуазель, есть ли в «Петербурге» человек, который ведает закупкой вин? – спросил Маликульмульк.

– Это я сам, покорный слуга вашей милости.

– Для того, чтобы выбирать хорошие вина, вы должны помнить верный вкус двух или трех десятков?

– Поболее.

– А если поставить перед вами десять бутылок вин, которых вы отродясь не пробовали? Сможете ли разобраться, которое на что походит?

Шульц-Шуазель рассмеялся.

– Несите ваши десять бутылок, – сказал он. – Только не сейчас!

– Если вечером за вами пришлют из замка, сможете ли прийти на полчаса?

– Сегодня?

– Сегодня или завтра.

– Лучше завтра, я уговорюсь с хозяином. Останетесь пообедать?

– Нет, меня ждут у его сиятельства.

И Маликульмульк побежал обратно, радуясь, что так легко справился с бальзамной загадкой. Допустим, еще не справился, но повар сумеет определить, чей бальзам более похож на лелюхинский «кунцевский», а коли повезет – назовет входящие в напиток элементы.

Когда он вошел в столовую, все уже сидели и ждали первой перемены блюд.

– Вдругорядь за стол не пущу, голодным останешься, – пригрозила княгиня. – Садись скорее, Иван Андреич! А у нас тут праздник – сегодня вечером чтоб был в гостинной!

– Что за праздник, ваше сиятельство?

– Журналы из столицы прислали. И среди них, вообрази, новый! Карамзин наконец выпустил первый номер «Вестника Европы»! Мы уж пролистали. Там и серьезные статьи – письмо Альцивиада к Периклу из Архенгольцевой «Минервы», про французскую революцию, и про женские парики!

– И трогательная история про майора Андре, – добавила Тараторка. – Иван Андреич, Бог с ним, с Периклом! Вы нам про майора Андре и его невесту почитайте!

– А для меня – анекдоты о Бонапарте, – молвил князь. – Прогдегустируем новый журнал! Егорий, что же кушанье?

Дворецкий Егор Анисимович дал знак для прибытия большой фарфоровой супницы.

После обеда Варвара Васильевна подошла к Маликульмульку.

– Я завтра в Благовещенский храм поеду, оттуда в школу, будешь меня сопровождать, – сказала она.

Маликульмульк вздохнул – обед у священника ничего хорошего не сулил. Вряд ли что будет вкусно, так это полбеда – еще и порции отмерят махонькие. После такого обеда – бежать в ближайший трактир, благо их у Гостиного двора немало, и обедать заново!

Пришло на ум, что надо бы не забыть во время визита княгини в школу договориться об экзамене для маленьких Дивовых. И тут же вспомнилась Анна. Лелюхин обещал ее поискать, расспросить кучеров и обозных мужиков, да вот все никак не пришлет даже записочки. От Гринделя тоже вестей нет, из управы благочиния – ни звука, хотя они отлично знают, что о следствии по делу смерти старого аптекаря Илиша нужно докладывать в Рижский замок...

– Ваше сиятельство, – сказал Маликульмульк, подойдя к князю. – Не нравится мне, что полиция до сих пор не сообщила, нашлись или не нашлись свидетели, видевшие отравителя.

– И что ты предлагаешь?

– Я дойду до управы благочиния и напому им. Это быстро – шагов семьсот, не более. Заодно пройду после сытного обеда, оно мне полезно...

Князь рассмеялся – вспомнил Зубриловку, где «послушай-ка братец» мог после обеда прилечь на диван, что и впрямь полезно для здоровья, а встать лишь к ужину.

– Ступай, – ответил он. – И управься за полчаса.

* * *

Особой радости Карамзин не доставил.

Маликульмульк изучал его журнал ревнивым взором. Дегустировал... De gustibus non est disputandum...

Это было издание нового времени – без всякой сатиры, зато с множеством статей из европейской истории, а политику так вовсе выделили в особый раздел. Карамзин понял, что надобно просвещенному читателю, желающему ощущать себя европейцем. Маликульмульк казалось, что он пятнадцать лет назад тоже это отлично понимал, только он не вставлял на каждой странице слова «Европа».

Былой соперник одержал окончательную победу – именно тем, что отказался от всякой критики, от язвительных споров, от азарта. Он создал журнал просветительски-умиротво-

ряющий и обреченный на успех. Стало быть, острая и пламенная журналистика сему государству не нужна... пусть...

Какой странный путь – от комической оперы «Кофейница», в которой юный сочинитель восстал против барынь-самодурок, продающих крестьян своих в рекруты, до комедии «Пирог», которую, уж верно, одобрил бы господин Карамзин – настолько она выйдет мила, забавна, нравоучительна и беззуба! Ежели, конечно, хватит мужества дописать ее до конца.

Порох кончился, воевать нечем, ну так хоть повеселимся. «Подщипа» – последняя вспышка, ярчайшая, но кто эту «Подщипу» видел, кто ее знает? Несколько знакомцев переписали, поклявшись, что далее эта крамола не пойдет. Очевидно, «Подщипой» с ее иронией, сатирой, дерзостью завершился век восемнадцатый, а «Вестник Европы» – первый гонец века девятнадцатого, благонаправного и цивилизованного.

Впрочем, все потонет в одной и той же Лете – кому из детей, не говоря уж о внуках, будут интересны царь Вакула и царевна Подщипа, Робеспьер и Бонапарт, принц Трумф и князь Слюняй, похороны Руссо и женские парики? История помирит господина Карамзина с господином Крыловым, попросту уложив их в один сундук со старой рухлядью.

Такими печально-сердитыми мыслями тешился Маликульмульк, выходя из Рижского замка. Мысли, кстати, вполне философские – о бренности всего земного и мимолетности всяких словесных упражнений. Нашел Карамзин издателя для своего журнала – ну так пусть радуется, поглядим через год, через два, что из этого выйдет. Хотя он осторожен, очень осторожен – и ему лишь кажется, что в этом залог успеха! Публика захочет чего-то поострее, с перчиком, и что он этой публике ответит?

Маликульмульк сделал знак орману, санки подкатили. Теперь следовало ехать домой, в предместье, на Большую Песочную. Но везти домой свою хандру он не желал.

– К Дворянскому собранию, там подождешь меня, – сказал он орману.

Хандру могла развеять встреча с картежным академиком фон Димшицем. Скорее всего, шулер проводит вечер в гостях, вечер – его время. Он играет в приличном обществе вроде бы по маленькой, но без выигрыша не уходит. И выигрыш-то не миллионный, но курочка по зернышку клюет и тем сыта бывает. Надо бы оставить записку, чтобы потом встретиться, вместе пойти туда, где играют, и провести наконец настоящую ночь – пылкую, страстную, победительную! Это необходимо, необходимо...

Фон Димшиц оказался дома. Как всегда, лечился всякими отварами и декохтами.

– Доктора говорят, что я должен принимать лекарства регулярно, – сказал он, – но в гостях какая же регулярность? Приходится устраивать себе медицинские дни и лечиться впрок. А кстати – не хотите ли навестить весьма занятого господина? Я был у него вчера, и зашла речь о вас.

– Чему обязан? – спросил Маликульмульк.

– Должности своей. Сей господин очень стар и лишен многих радостей. Несколько лет назад у него отказали ноги, и он все время проводит в большом удобном кресле. Но он бодр, весел, любит всевозможные новости. Вчера говорили о том, как вы ворвались в управу благочиния и заставили отвезти тело покойного Илиша в анатомический театр. Ему очень понравилось ваше поведение, ваша решимость. Вы же знаете – к князю Голицыну приглядываются здесь с большим недоверием. И то, что начальник его канцелярии помогает раскрытию убийства, – знатный козырь в руках его сиятельства. Это все очень одобрили.

Об участии Гринделя фон Димшиц умолчал. Надо полагать, это имя вчера вечером ни разу не прозвучало. А ведь если бы Давид Иероним не поднял тревогу – ничего бы и не было. Маликульмульк не удивился – он знал, что рижские патриции, ратсманы в десятом поколении, не снисходят к тем, чей дед – латыш и бывший крепостной, отец – браковщик мачт, пусть даже очень богатый. Но он решил, что скажет этим господам правду – и при большом стечении народа, пусть злятся.

– Кто этот господин? – спросил Маликульмульк.

– Бывший бургомистр, один из четверки, – Мельхиор Видау. Этот человек много повидал и великий любитель разгадывать загадки. Он знал покойного аптекаря Илиша и потому особо благодарен вам.

– Не говорили ль у него о свидетелях, видевших, как в Зеленую аптеку вошел убийца?

– Говорили. Полицейские сыщики опрашивали местных жителей. Но вы ведь знаете, где эта аптека. Мимо нее все идут на Ратушную площадь и с Ратушной площади, к тому же. Торговая улица – широкая, и там всегда проезжают сани и экипажи. На углу, где аптека, всегда много народа. Для торгового заведения это прекрасно, только чтобы найти человека, видевшего убийцу, придется расспросить всю Ригу.

– Мне сказали то же самое. Я думал, в приватной обстановке эти господа расскажут больше.

– Им пока похвастаться нечем. Но одно ясно – этот человек был хорошо знаком с бедным Илишем, раз его угощали кофеем. Кстати – не угодно ли горячего шоколада? Мне он вреден, но для вас фрау Векслер сама приготовит!

– Не откажусь, – сказал Маликульмульк и уселся поудобнее, широко расставив ноги. – А не обсуждалась ли в гостиной герра Видау такая непонятная вещь: как Илиш, аптекарь опытный, не почувствовал запаха синильной кислоты? С чем он мог перепутать аромат миндаля?

– Вообразите, обсуждалась. Вы, должно быть, не знаете, что после вскрытия тела Зеленую аптеку обыскали. И нашли на полу пустой стакан и открытый пузырек. Их изучили. Судя по всему, в них была лавровишневая вода – то есть в стакане был раствор, а в пузырьке – сама спиртовая настойка. Убийца, надо думать, сперва разлил воду и обеспечил нужный аромат, а потом плеснул отравы в кофей. Теперь видите, что вам бы стоило повидаться с этим господином? Хотя бы для того, чтобы он мог поблагодарить вас. Сердце мое, ты уже готовишь шоколад?

– О да, – донеслось с кухни. – Герру Крылову подать с холодной водой?

– Нет, – громко ответил Маликульмульк. – Герр Крылов не любит воды, тем более холодной! Герр Крылов считает, что эта жидкость бесполезна – она заполняет желудок, а радости не приносит!

Шулер рассмеялся.

– У фрау Векслер есть подруга, также вдова, которая мечтает выйти замуж за почтенного господина с основательными вкусами. Мне кажется, вы ей подойдете.

Вошла горничная Марта в большом белом фартуке, расстелила на столе тонкую салфетку с изящной вышивкой.

– Это работа моей милой фрау, – похвастался фон Димшиц. – У нас с ней много общего – ловкие пальцы, острый взгляд...

Марта ушла и вскоре вернулась с подносом. За ней шла фрау Векслер, наблюдала – правильно ли девушка ведет себя. Фрау Векслер не поспешила – зная, что Маликульмульк признает только большие количества съестного, она взяла не тонкую фарфоровую чашечку, а фаянсовую пивную кружку с лепной картинкой в овальном медальоне, изображавшей фазана на ветке. Марта несла шоколад медленно, словно некую святыню, поставила поднос на стол чуть ли не с благоговением, а на кухню, сделав книксен, ушла торопливо.

– Я ей позволила собрать остатки из кастрюльки, – сказала фрау Векслер. – Но она слишком спешит – когда горячий шоколад остывает, он густеет, и его можно намазать на булочку или на хлеб. У нее получился бы хороший ужин. Так забавно учить ее – но она хорошая ученица. Хоть бы пекарь не раздумал жениться!

Напиток был ароматен и густ. Маликульмульк, который обычно заглатывал вкусную еду быстро и без лишнего смакования каждого кусочка, отпивал из кружки понемногу.

– Что мне сказать герру Видау? – спросил фон Димшиц.

– Я с ним охотно встречусь, – ответил Маликульмульк. – Вы ведь понимаете, отчего я занимаюсь этим делом?

– Как не понять? Вся Рига знает, что аптекари и Лелюхины пишут жалобы в столицу друг на дружку. Все рижские генерал-губернаторы пытались разобраться в этой склоке – и все на нее рукой махнули. Для этого нужно иметь такую лабораторию, какой в природе еще не существует. Проще всего аптекарю намешать в свой бальзам настоек и вытяжек. Но ежели кто захочет понять состав готового напитка – тот обречен на крах, наука так далеко еще не продвинулась.

– Вы полагаете, что все дело – в рецепте Абрама Кунце? – оживился Маликульмульк. – И лишь тот, кто приобрел рецепт, имеет право называть свое творение «кунцевским бальзамом»? Тогда это, скорее всего, Лелюхин. Если Абрам Кунце вел честную игру – то это Лелюхин.

– Очень верно подмечено, герр Крылов. А я могу держать пари, что он не вел честную игру.

– Отчего ж?

– Садись сюда, мое сердечко, – позвал фон Димшиц фрау Векслер, усадил ее на диван возле себя и обнял за плечи. Она опустила глаза и улыбнулась той довольной улыбкой женщины, которую радует не совсем светское поведение ее мужчины, что Маликульмульку была знакома еще по театральной юности.

– Я сам в том же положении, что был Абрам Кунце, – сказал шулер. – Я выбрал опасное ремесло, отдал ему много лет и хочу наконец жить спокойно. Я хочу жениться. Я уже немолод, я устал, я встретил женщину, с которой проведу осень своей жизни в тишине и покое. Мне не нужны женщины, с которыми я буду странствовать, покупать им дорогие платья, заводить сомнительные знакомства, то купаться в деньгах, то скрываться по трущобам от людей, готовых меня убить. Я устал, понимаете, герр Крылов? И Абрам Кунце устал. И вы, Бог даст, устанете...

Маликульмульк хотел было сказать, что это уже случилось, да промолчал, глядя на коричневый блестящий кружок. Потом отпил – и понял, что сыт шоколадом по горло. Такое с ним случалось очень редко.

– Абрам Кунце был бродячим торговцем. Чем он торговал – теперь уже никто не скажет. Но велики ли доходы у человека, который бредет от деревни к деревне с коробом за спиной? Он даже не может по-настоящему обманывать своих покупателей – речь идет о сущих грошах. И вот этот бедняга добывает рецепт бальзама. Ему кажется, что теперь-то он выбьется в люди. Он приходит с рецептом в Ригу. Почему в Ригу?

– Здесь у него были какие-то родственники. Но он с ними не поладил и поселился в крепости у Карловских ворот, в доме кого-то латыша... Вот что странно – как это немцы позволяют латышам жить в крепости?

Фон Димшиц рассмеялся.

– А что бы они делали без латышей? Кто бы служил в дворниках и сторожах? Кто бы тушил пожары? Этим занимаются парни из латышских братств. Так вот – Абрам Кунце с годами моложе не становится, а бальзам приносит не ту прибыль, на которую он рассчитывал. Абрам Кунце начинает тосковать по дому – ведь где-то и у него есть дом. Может быть, есть жена, дети, и дети уже выросли, может быть, он уже знает, что родились внуки. Он не может вернуться с пустыми руками. И он говорит: «Господи, я старался жить честно, я если мошенничал – то наживал на этом гроши, я стар и болен. Господи, я прожил жизнь, а все, что имею, – рецепт бальзама, который здесь называют моим именем. Господи, я впервые в жизни совершу дурной поступок!.. Я должен о себе позаботиться, Господи, иначе мне впору

помирать под дождем и снегом на большой дороге! Я хочу домой, Господи...» И он – что он делает, герр Крылов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.